

ЯРОСЛАВ ТУРОВ

По полю мёртвых одуванчиков

Ярослав Туров

По полю мёртвых одуванчиков

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9368091
ISBN 978-5-4474-0538-0*

Аннотация

Произведения Я. Тулова – талантливые, интересные, острые. Автор пишет предельно искренне, и в его искренность веришь. Подростковая и юношеская жизнь, по силе переживаний в личной и интимной сфере не сравнимая ни с одним возрастным этапом взросления человека, описана автором откровенно. А ведь именно она остается вне поля внимания озабоченных добыванием денег родителей и замороченных школьными реформами учителей. Л. А. Барыкина, редактор изд-ва «Молодая гвардия», член Союза писателей России

Содержание

Восстановить мгновенья бытия	5
Сердце красавицы	7
I	8
II	37
III	57
IV	68
V	88
Агентство	91
По полю мёртвых одуванчиков	130
Глава I. Паутинная любовь	130
Конец ознакомительного фрагмента.	145

По полю мёртвых одуванчиков Ярослав Туров

© Ярослав Туров, 2015

© Анри Давыдов, иллюстрации, 2015

Редактор Л. А. Барыкина

Редактор В. Г. Лецик

Редактор А. В. Урманов

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Восстановить мгновенья бытия

Книга Ярослава Турова «По полю мёртвых одуванчиков» – событие в современной прозе неординарное и многообещающее, заслуживающее самого пристального внимания и уважительного отношения. Потому, прежде всего, что со всей очевидностью являет, открывает российскому читателю ещё молодого, по сути начинающего, но уже яркого, самобытного, совершенно зрелого и потому не нуждающегося в снисхождении художника – со своей собственной темой, со своими героями, со своим стилем и отличительной поэтикой. Но главное – с собственным нетривиальным взглядом на мир, имеющего (и умеющего) что сказать, открывающего то, что мы далеко не всегда замечаем и понимаем в стремительно проносящемся мимо потоке бытия. Умеющего остановить время – с тем, чтобы лучше, глубже понять тех, кто его торопливо, в полном соответствии с современными ритмами и темпами проживает.

Как это удаётся Я. Турову?

Секрет и прост – по замыслу, и сложен – по исполнению: автор сборника «По полю мёртвых одуванчиков» не столько повествует о своих героях, не столько рассказывает о них и о мире, в котором они живут или выживают, сколько воссоздаёт, реконструирует сознание и ощущения в их естественном течении. Он применяет весьма сложную повествова-

тельную технику, основанную на принципе полифонии: в романе «По полю мёртвых одуванчиков», давшем имя сборнику, в рассказах «Сердце красавицы» и «Агентство», (и в ряде других произведений, печатавшихся ранее, в том числе в альманахе «Амур») события попеременно даются с разных точек зрения, через восприятие разных персонажей. Прозаику удаётся проникнуть в само средоточие внутреннего мира разных по взглядам, возрасту, житейскому опыту, социальной и гендерной принадлежности героев. Именно эта поразительная способность растворяться буквально в каждом из героев, сливаться с ним, смотреть на мир его глазами, чувствовать и думать как он, проживать вместе с ним его судьбу, его взлёты и падения и позволяет писателю постигать суть вещей и явлений, а не скользить по их поверхности.

При некотором стилевом сходстве, произведения, входящие в сборник «По полю мёртвых одуванчиков», удивительно разнообразны – и в жанровом, и в проблемно-тематическом отношении: каждое открывает новые пласты и грани нашего бытия, острые социальные и нравственные коллизии, в каждом – учащённо-сбивчивая пульсация непрерывно меняющейся современной российской действительности, неповторимые, живые образы наших современников.

*Александр Урманов,
доктор филологических наук, профессор,
главный редактор альманаха «Амур»*

Сердце красавицы

Рассказ

Посвящается Д. К.

I

– Гляди, какая идёт! – услышала она за спиной мужской шёпот и даже оборачиваться не стала, зная наверняка: про неё говорят. Ещё каких-то два года назад все эти раздевающие взгляды были в диковинку, но она уже давно забыла, каково это, когда на тебя никто не смотрит.

– Вот это жопа! Я б вдул! – раздалось слева. Как это пошло, – подумала она. – «Я б вдул!» Будто я автошина или надувной матрас. Кто-то говорит, что это и есть самый главный мужской комплимент. Он, мол, вмещает в себя и «О боже, какая ты красивая!», и «Твои глаза, как горные озёра», и даже «Никогда не встречал девушки с таким кругозором!» Видимо, это удел всех красавиц. А она красива, уж теперь-то она это прекрасно знает. Но ведь было время...

Её настигли у лестницы. Высокий симпатичный брюнет обогнал её и встал на пути.

– Девушка! Выходите за меня замуж! – выпалил он, чуть запыхавшись, словно пробежал через полунивера, чтобы ей это сказать. – Вы так обворожительны, что если откажете, это разобьёт мне сердце!

Это было настолько внезапно, что она сперва даже не знала, что и сказать.

– Прямо так, сразу замуж, даже имени моего не спросишь?

– Если бы вы назвали своё имя и приложили номер свое-

го мобильного, я бы умер от счастья, – широко заулыбался брюнет. Какие у него широкие плечи и сильные руки...

– Меня зовут Маша, очень приятно, – сказала она, разглядывая парня. Какой классный, даже жалко такого разочаровывать.

– Красивое имя! А телефон у вас какой?

– У меня «Samsung». – Она попыталась его обойти, но он не пустил.

– Нет, я имел в виду номер.

– Ты что же, торопишься умереть от счастья?

– Я на всё готов, только дай мне свой номер. – Глаза парня светились, он так тяжело дышал, словно только что пробежал марафон. Вот настырный.

– Извини, дружок, ты опоздал на три года. Я другому отдаю и буду век ему верна, – с нотками грусти произнесла Маша, мягко обогнула парня и пошла вниз по лестнице. На помрачневшее лицо брюнета она старалась не смотреть. Не грусти, красавчик, следующая обязательно будет твоей...

Уже третий за неделю, – думала Маша. И все как назло в моём вкусе! Ладно бы подкатывали какие-нибудь жирные и прыщавые, так нет же. Все, как на подбор, высокие и красивые, гады. И от каждого надо бежать...

Пока она шла по коридору, со всех сторон на неё обращались жадные взгляды. Маша достала из сумки телефон и мельком глянула на экран. Звонков и сообщений не было. Печаль. Всё-таки хорошо тот мальчик придумал с предложе-

нием на лестнице. Обязательно бы с ним куда-нибудь сходил, если бы не.... Опять эти «если бы»!

Дорога от универа до дома заняла полчаса. Двадцать минут на стареньком скрипучем автобусе – и почему они до сих пор не купят нормальные? – и десять минут блужданий в панельных джунглях, куда постороннему лучше не соваться. Девчонок, с которыми она снимала маленькую квартирку в микрорайоне, дома не было: Катя ещё на парах, а у Светы работа допоздна, пашет на хостесе каждый день. Маша быстро скинула с себя толстовку, в которой ходила в универ чуть ли не каждый день (в ней на неё меньше пялились), быстро разыскала среди глаженных вещей белую сорочку для офиса, оделась, подкрасила ресницы, а потом организовала себе чай с шоколадкой. В квартире было прохладно и тихо. Начало мая на календаре, солнце за окном уже палило всю, но ни один лучик не проникал в комнату в это время дня. На стене висел огромный плакат с Мэрилин Монро, под ним стоял большой раздвижной диван, сейчас аккуратненько укрытый простынёй. Маша тоскливо посмотрела на него. Целый день квартира свободна, но даже пригласить никого нельзя. Вот бы... Но времени на воздушные замки не осталось. Маша быстро допила чай, откусив от шоколадки совсем чуть-чуть, схватила сумочку и пошла на работу.

Вот уже несколько месяцев после пар она подрабатывала администратором в школе иностранных языков. Работа непыльная – подай, позвони, скройся с глаз и не мешай. Сна-

чала она перебирала накопившиеся бумаги, а ближе к концу дня обзванивала клиентов. В перерывах делать особо нечего, и Маша сидела в соцсетях с рабочего компьютера. Опять целый ворох сообщений от незнакомых мальчиков, парней, мужиков, даже один дед написал, безнадёжный, как часы с кушковой. Ну ты-то куда, перец маринованный? Где-то я тебя видела... Тут Маша с удивлением узнала препода по статистике, который вёл в параллельной группе, про него ещё говорили, что он бодрый и хорошо держится. Ужас какой. Маше стало жалко его. Как это грустно, когда ты ещё «ого-го», но поздно, так безнадёжно поздно...

Что там дальше по списку? Всё одно и то же, одно и то же... Какая ты красивая... Что-то там про нимфу и ангела... Стандартное «А парень у тебя есть?» раз пятьдесят... Предложения типа «А не хочешь бесплатную ню-фотосессию, мне для портфолио...» или классическое «Вашей маме зять не нужен?». Мастера пикапа, на какой помойке вы себя нашли? Самое главное, ОН опять оффлайн. Заходил три часа назад с телефона и даже ничего не написал. Наверное, ждёт, что я первая ему напишу...

«Привет, моя малышка», – написал какой-то придурок. Она имела неосторожность ответить ему вчера...

«Какая я тебе к чёрту твоя?» – отозвалась Маша, просматривая стену парня. Надо же, он даже не красивый. И пишет с ошибками.

«Малыш, ну зачем ты так»

«Я тебе не малыш, мне уже третий десяток идёт»

«О, большая девачка! Я тоже большой. Местами даже очень»

«Это точно не про твой мозг», – набрала она, закусив губу.

«Киса, я тут изо всех сил стараюсь, а ты мне такие вещи пишишь»

«Запрись где-нибудь один и там старайся. У меня есть парень, мы с ним вместе уже давно, и я его люблю»

«Чё, прям реально довно?»

«Реально. Больше трёх лет»

Имбицил на том конце долго молчал, а потом написал: «Малыш, я не хочу быть запасным аэродромом». Это её убило. Называет «своей», даже толком не пообщавшись, а потом ещё и «не хочет быть запасным». Да с чего ты взял, что ты вообще им будешь! Беззвучный смех душил Машу минуты две и не отпустил даже тогда, когда вошли начальница с одной из преподавательниц английского и непонимающе уставились на неё.

– Мария, что это с вами?

– Я... просто... ой, извините, Наталья Николаевна! – справится с собой стоило большого труда. – Просто вспомнила кое-что смешное.

Директриса языковой школы быстро подошла к компу и взглянула на экран. Там ничего не было, к счастью, Маша успела закрыть все окна.

– Смотрите мне, Жукова, если я ещё раз застукаю вас

за этой болтовнёй в соцсетях, у нас с вами будет долгий и неприятный разговор.

Всё веселье мигом схлынуло. Вот стерва. Ну и что ты мне сделаешь? Зарплату мне понизишь? Уволишь? И так за жалкие гроши тут пашу, только и хватает, чтобы за квартиру платить. Если бы не удобный график, давно бы ушла из этого гадюшника. Ещё и училка эта глазки на меня вылупила через свои окуляры. Будто я не знаю, что вы с ней только и делаете, что перебиваете мне кости, стоит отойти по делам.

– Да, Наталья Николаевна, – сказала Маша, и вернулась к работе. В коридоре раздались голоса. Через минуту в двери показался невысокий лысоватый мужчина восточной внешности, золотые запонки, перстень и толстая цепь на шее так и заиграли бликами в белом свете ламп. За ним на цыпочках семенил верзила-сторож, тоже, кстати, как-то раз пытавшийся склеить Машу.

– Наташ, всё как договаривались? – спросил восточный мужчина не здороваясь.

– Да, Зураб Мехдиевич, – бархатным тоном сказала начальница. – Мы всё сделали так, как вы нас и просили. Даже два проектора нашли и видеодоска.

– Отлично. Проверь зал ещё раз, чтоб всё было с шиком, с блеском. Это очень серьёзные люди, я тебе уже говорил. Очень серьёзные.

– Я всё понимаю, Зураб Мехдиевич, будет сделано в лучшем виде. Насчёт флаеров будут распоряжения?

– Да, мне предыдущий дизайн нравился больше...

Тут взгляд мужчины скользнул по Маше и замер. Глубокая складка между бровей его тут же пропала.

– А вас как зовут? – спросил он очень вежливо.

– Мария, дежурный администратор, – в тон ему отозвалась она. – К вашим услугам. – Ухоженный, вроде, да и пахнет от него хорошо. Дорогущий парфюм, наверное. Маша даже на секунду закрыла глаза, чтобы насладиться ароматом, и от вошедшего это не укрылось.

– Очень приятно, Мария, – расцвёл он. – Для вас я просто Зураб. Видите ли, мне бы очень хотелось, э-э... подтянуть мой деловой английский.

Ну да, как же. Видали мы таких англичан.

– Конечно, наш центр предлагает широкий спектр образовательных услуг в сфере улучшения навыков... – начала Маша и на автомате выдала заученную фразу, что повторяла каждый день по телефону около сотни раз. Как смотрит-то, зверюга, словно съесть хочет. Из мужчин на неё не смотрели так лишь маленькие мальчишки, глубокие старцы да голубые. Хотя, после того препода, насчёт старцев она уже не уверена...

– Надо же, – почесал затылок Зураб. – Я даже так сразу не могу определиться с курсами. Может быть, вы дадите мне свой телефон, и я позвоню вам для дополнительной справки в другое время?

Ага, именно для справки ты и позвонишь...

– Конечно, со мной можно связаться по этому телефону в будние дни с двух до семи, – и она протянула ему карточку языковой школы. Мужчина обрадовано схватил её, но улыбка быстро растаяла на смуглом лице.

– Погодите, но это же ваш рабочий номер, а я говорил о личном!

– Прошу прощения, но на рабочем месте я личными делами не занимаюсь, – холодно и максимально вежливо сказала Маша. Глубокая складка вновь избороздила лоб мужчины. Пожевав губу, смущённый Зураб еле заметно кивнул и вышел, бормоча что-то себе под нос не по-русски. Смущенный сторож засеменял за ним, начальница метнула в Машу испепеляющий взгляд и тоже пошла следом, в приёмной осталась только англичанка в огромных роговых очках.

– Кто это был вообще? – спросила Маша, смутно догадываясь, что совершила промах.

– Ты что, это же Алиев, или просто Али, – недоумённо уставилась на неё препода. – Он миллионер, ему принадлежит половина продуктовых магазинов города, и к тому он владелец всех портовых складов. Все помещения и оборудование нашей школы – тоже его.

– Понятно, почему наш сторож так перед ним съёжился, – хмыкнула Маша. Надо же, миллионер.

– Смотри, Маша, будь осторожнее, они с Натальей Николаевной не просто коллеги, если ты понимаешь, о чём я.

– Да мне-то что, я на этого её миллионера не покушаюсь.

Англичанка долго и недоумённо пялилась на неё, после чего пробормотала что-то вроде «глупая ты ещё» и вышла. На себя посмотри, выдра в парике. Потом снова пришла начальница, бросила на стол перед Машей папку с документами и удалилась в свой кабинет, не сказав ни слова. Зашибись денёк, думала девушка, просто зашибись.

В семь часов, когда рабочий день закончился и Маша вышла на улицу, позвонила мама и сказала, что опять не сможет выслать ей денег. Младший брат Маши играл в футбол под дождём и простудился, все деньги пришлось отдать на лекарства. Девушка спросила, на что же ей тогда жить, ведь всю зарплату ей придётся отдать за квартиру. Мама сказала, что не знает, отец по-прежнему не выходит из дома и отказывается идти работать, хотя она его и упрашивала в миллионный раз, наверное. До конца Маша не дослушала, она положила трубку и размашистым шагом пошла домой. Внутри у неё всё кипело. Это была смесь гнева и лёгкой паники. Что теперь делать?

Минут через десять телефон снова зазвонил. Это было ОН, её парень. Несмотря на то, что настроение было ни к чёрту, Маша переборола себя и заговорила настолько приветливо, насколько была способна. Да, она очень ему рада, конечно. Нормальный у неё голос. Как у него дела, как прошёл день? Почему он за всё это время так ей и не написал? Она ведь так соскучилась. Конечно, она понимает, что он очень занят, что ему и так приходится творить чудеса со сво-

им графиком, чтобы созваниваться с ней каждый день. Её сегодня за день опять пытались склеить три мужика – в универе, в интернете и даже один на работе, миллионер. Нет, ему не стоит так ревновать, никакие миллионеры с денежными чемоданами ей не нужны, ведь ОН у неё самый лучший, она любит его больше всего на свете. Честное-пречестное слово. Какой смысл ей быть с этим миллионером? Чтобы тот воспользовался ей, как вещью, а потом выбросил за ненадобностью, как только надоест? Нет, хочешь стать женой генерала, выходи за лейтенанта, она всегда ему так говорила. Кстати, есть тут одно дело... Пусть он пообещает, что не будет злиться, ругаться и обижаться. Нет, он точно обещает? Просто она ведь не хочет, чтобы он думал о ней плохо, она ведь не какая-то испорченная, алчная тварь... Она хочет попросить его об услуге, у неё осталось всего триста рублей. До конца недели этого хватит, а потом... Пожалуйста, пусть он прекратит говорить так плохо об её отце, да, он тунеядец и пьяница, но он всё же её отец, и она всегда будет любить его, что бы ни случилось! Тем более, он далеко не всегда был таким... О, она так благодарна, что её любимый пришлёт ей денег, пусть не так много, но он заработал их сам и отдаёт от чистого сердца, ей они очень сильно помогут, их как раз хватит на жизнь. К тому же она сможет купить новые кроссовки для бега. Господи, как же она по нему соскучилась, по его рукам, по его губам... Её уже три месяца никто не обнимал, а ведь ей так этого не хватает... Зачем, ну зачем он

ухал от неё так далеко, зачем украл её сердце? Нет, нет, она не плачет, она уже давно не плакала. Да, да, она ему верит, она знает, что пройдёт время, и они будут вместе, они будут счастливы, и всё будет хорошо. Всё-всё, она уже успокоилась, она уже не плачет. Да точно, точно не плачет, пускай он не переживает. Она будет ждать его звонка завтра вечером после работы, как всегда. Она любит его и желает хорошего дня...

Маша медленно нажала на кнопку сброса и скрестила руки, сжав телефон тонкими пальцами так сильно, как только могла. Сердце ухало в груди, Маша зажмурилась. С каждым разом эти разговоры даются ей всё трудней. Как трудно быть нежной, когда внутри всё переворачивается, когда всё тело вопит, что ему нужны не разговоры, а совсем другое.

Потребовалось минут пять, чтобы пересилить себя и идти дальше. Проходя мимо продуктового магазина, в котором как раз какие-то парни грузили ящики с фруктами, Маша услышала: «Боже, какая прекрасная девушка! Я всегда мечтал, чтобы у меня была такая». Сказано было достаточно громко, намеренно. И вроде бы сказали искренне, без всякой пошлости, но Маше вдруг стало противно. Ты, неудачник, жалкий грузчик, да кто ты вообще такой, чтобы даже допускать такие мысли? Да ты хоть знаешь, кто у меня парень, где учится и чем занимается, неужели ты думаешь, что я променяю его на тебя?! Потом вдруг ей стало страшно от собственных мыслей. Нет, нет, что за снобизм, она и сама не так

далеко ушла от этого грузчика, она не должна так думать. Но после всего того, что у неё было с НИМ, она уже никогда не сможет встречаться с парнем из ПТУ...

Маша вспомнила самый первый день знакомства со своим парнем. Это было в летнем лагере, они оба только закончили десятый класс, им было по семнадцать. Он был такой яркий, сразу выделялся из толпы других ребят, как будто даже светился. Мальчик – восклицательный знак, прозвала она его про себя. Он много балагурил, и рассказывал всегда так, что все шикали, стоило постороннему вставить слово. И выглядел он намного старше своего возраста, так что она даже сперва приняла его за вожатого. «Если бы он захотел, я без сомнения отдалась бы ему», – подумала Маша едва ли не в первую минуту знакомства. Эта мысль до того удивила её, что она не смогла бы её забыть, если б даже захотела. Дни лагерной смены летели, как секунды, а он даже и не думал обращать на неё внимание, общаясь всё больше с другими девушками и лишь изредка кидая в её сторону осторожные взгляды. Она уж и намёки ему делала, и анонимные записки оставляла, и тайные знаки, а один раз даже... Хм, но об этом лучше вовсе никому не знать. Всё было без толку, он просто не смотрел на неё, не видел в упор. Казалось, надежды нет, но их всё-таки свела судьба. Они поцеловались на дискотеке. Маша даже не помнила, как это произошло, всё плыло, будто в тумане. После смены они встретились в городе раз, другой, третий. На четвёртый он сказал, что всегда считал её

недостижимым идеалом, слишком красивой для себя, поэтому боялся предпринять какие-либо шаги. А теперь он совсем потерял голову, не может ни есть, ни спать, он... Он любит её. После этих слов всё завертелось так быстро, они встали встречаться, дни и ночи помчались, как поезда в далёкие города, где у тебя никого нет, и никто не ждёт. Первые три месяца показались одной секундой, неделимым атомом, огромным светящимся пятном абсолютного счастья, клубком, который нельзя распутать, даже если сильно того пожелать.

Потом вдруг пробежала кошка, разбились розовые очки, и они расстались. Это случается со многими, от этого не бежать. Но со временем боль и обида ушли, и вновь непреодолимая сила влечёт их, они гуляют за руку, и звёзды светят им, и сладкий запах черёмухи кружит голову, и всё закончится под одеялом, нельзя ведь просто лечь спать, когда тебе восемнадцать! Боже, что он с ней сделал, как представить свою жизнь без него? Он ведь первый, единственный, а все остальные... Их нет, они как деревья в лесу, все одинаковые. Нет больше мужчин, есть просто люди. Только ОН мужчина, сильный, дерзкий, умный, страстный, нежный, заботливый... Он носил её на руках, сдувал с неё пылинки, заваливал цветами, а в постели... До сих пор всё немеет при воспоминаниях о тех ночах... Это её заслуга. Это она сделала его таким. Мама всегда говорила ей, что настоящего мужчину создаёт настоящая женщина. Маша крепко усвоила этот урок. Она захотела, чтобы он стал сильным, и он стал. Она

пожелала, чтобы он обходился с ней, как с королевой, и он с охотой взялся за эту роль. Она пожелала, чтобы он стал идеальным любовником, и он научился... Конечно, ей не с чем сравнивать, но судя по рассказам подруг, у которых с этим не ладилось, он почти идеален.

Были и недостатки. Да, он сноб, эгоист и ревнивец, да, он не умеет отдавать всего себя без остатка, вечно хватается за что-то новое и бросает на полпути. Стоит хоть немного посягнуть на его свободу, он тут же вскипает, рвёт и мечет свои страшные колкости, словно молнии, подчас раня в самое сердце. А ещё он отдаётся своим странным идеям, точно одержимый. Взять хотя бы тот раз, когда он начитался книжек про буддизм и решил, что всё тленно, в земной жизни вообще нет смысла, отчего целую неделю не выходил из дома и даже почти ничего не ел, медитируя с утра до ночи. Она чуть с ума не сошла тогда, пытаясь его растормошить. Зато потом у него внутри словно что-то щёлкнуло, и он набросился на неё с поцелуями, повалил на свой коврик для йоги, а через час они пошли в какой-то местный захудалый макдак и съели на двоих самый большой и самый вредный гамбургер, который только был в меню...

Однажды он вдруг как с цепи сорвался, бегал по комнате и кричал, что она тянет его в пошлое мещанство, потом вдруг исчез на месяц, и только от общих знакомых Маша узнала, что он уехал. Поступил в престижный университет в далёком-предалёком городе, почти что на другой пла-

нете, у неё просто не доставало воображения представить, насколько это далеко. А она осталась. Не хватит слов описать, сколько слёз Маша выплакала тогда. Она очень похудела и стала тенью самой себя, так что даже друзья не узнавали её. И лишь только стоило ей чуть отойти от шока и успокоиться, он позвонил ей, попросил прощения и сказал, что всё ещё любит. Самое страшное, что Маша тут же простила его и даже придумала всему этому какое-то оправдание. Она пообещала дожидаться его. Она сама на всё это подписалась.

Мимо Маши, опираясь на палочку, прошёл маленький пожилой человечек в потёртом пиджачке и плоской серой кепочке. Увидев девушку, он даже на несколько секунд остановился и засмотрелся, вспоминая о чём-то безвозвратно ушедшем. Маша улыбнулась ему робко и пошла дальше, а старичок остался стоять. Вот и у НЕГО в деревне живёт такой же дедушка, совсем маленький и смешной, как сердитый ёжик, и очень-очень больной. Как-то раз они поехали к нему вместе, парень носился вокруг Маши, как сумасшедший, и очень беспокоился, и когда они наконец были на месте, она поняла почему. Дедушка жил не бедно, но со смертью жены и приходом болезни некогда большое и крепкое хозяйство его пришло в запустение. Сил у него не хватало даже на то, чтобы выкосить сорную траву, заполонившую сад и огород, давно не видевший того изобилия плодов, овощей и ягод, как раньше. Огромный дом, что дедушка построил своими руками полвека назад, тоже пустовал, и сам дед жил

в маленькой летней кухне с большим толстым котом, которому было лень даже поднять глаза и посмотреть на того, кто его гладит. Время от времени помочь по хозяйству к нему заходили соцработники, раз в полгода приезжали успевшие сами состариться дети, раз в год – разъехавшиеся кто куда внуки. Был как раз такой день, когда ОН и его двоюродные сёстры собрались провести деда, и он взял Машу с собой.

Грязь и пыль в комнатах – вот что запомнилось ей больше всего. А ещё обезображенное опухолью лицо дедушки. Сгорбившись, не видя и не слыша ничего вокруг себя, он ходил по заросшему саду между неухоженных яблонь, сам больше похожий на трухлявый пень, чем на человека. Даже внука он, казалось, узнал с большим трудом. Машу дедушка изучал особенно долго. Его мутные глаза смотрели словно сквозь неё или куда-то вглубь, так что ей стало не по себе, тем не менее она нашла силы улыбнуться ему и пожать его сухую ладошку, на удивление сильную. Потом, пока её парень с сёстрами убирался в саду и рубил дрова, она наводила порядок в доме. Горы грязной посуды в раковине, толстый слой пыли на полках и подоконниках, паутина повсюду, какие-то серые клочья по углам – всё это ей пришлось вымыть, вычистить и вымести. Потом она приготовила на плитке обед из тех продуктов, что нашла в холодильнике, а ОН всё это время был рядом, смотрел на неё серьёзным немигающим взглядом, всю обратную дорогу в электричке молчал, а потом вдруг сказал, что женится на ней. Он так решил, это

абсолютно серьёзно, он женится на ней, и у них будет трое красивых и умных детей. Такой счастливой, как тогда, она, наверное, никогда не была.

Когда Маша вернулась в квартиру, чтобы переодеться на тренировку, она застала на кухне своих соседок Катю и Свету. Света сидела с красными от слёз глазами и время от времени беззвучно вздрагивала, глядя, как Катя размешивает сахар в чашке с чаем.

– Что стряслось? – спросила Маша. Света – девчонка, что называется, боевая, нужно очень постараться, чтобы довести её до слёз.

– Это всё ихний главный повар, – сказала Катя.

– Какой повар? – не поняла Маша. – Тот хмырь, что к тебе подкатывал, а ты отшила? – Света кивнула. – И что же он?

– Он её подставил. Сегодня приезжал хозяин ресторана, где работает Света, а с ним делегация японцев. Они ещё за месяц заказывали стол. Так вот, когда повар лично пришёл удостовериться у гостей, что всё в порядке, ему сказали на английском, что обслуживание и работа хостеса просто замечательные, а вот блюда оставляют желать лучшего.

– Я всё это слышала своими ушами, – пробормотала Света. – Не зря же я этот долбанный английский столько лет в школе зубрила.

– Ну, ну, а дальше что?

– А дальше повар, естественно, не захотел признавать свои косяки и передал хозяину, что гостям очень понрави-

лась кухня, но работой хостеса они недовольны. А тот недолго думая, лишил Свету зарплаты за месяц, а официанткам урезал вдвое.

– Как? Не может быть такого!

– Это ещё что, мог бы вообще уволить.

– Уходить надо с такой работы, не задумываясь!

– Да куда я пойду? – взорвалась Света. – Ты хоть знаешь, сколько я искала эту работу, сколько порогов оббила, скольких людей упрашивала? В таком городе, как наш, молодой красивой девушке, да ещё студентке, устроиться на приличную работу практически нереально, и без того желающих выше крыши.

Это уж точно, подумала Маша и вспомнила, скольких нервов ей стоило устроиться в языковую школу. Одно время она хотела пойти секретаршей, но работодатель без обиняков заявил, что в непосредственные обязанности секретаря входит оказание начальству интим-услуг. Потом она, как и Света, пыталась устроиться в хостес, но и тут ей не повезло – скользкий тип с маслянистыми глазками, набиравший девушек, заявил претенденткам на собеседовании, что главное – не встречать и рассаживать гостей, а развлекать их, делая всё, чтобы за вечер они съели и выпили как можно больше. «А если кто-нибудь из гостей захочет меня поиметь, этот продаст, даже не задумываясь», – думала Маша, хлопая за собой дверью. Была ещё попытка устроиться оператором в службу такси и принимать заказы, но там ей сразу же дали

листочек с каким-то адресом. Придя на место, Маша оказалась в большой квартире со множеством комнат, в которых перед компьютерами и телефонами сидели девушки, что-то непрерывно нащёптывая и постанывая. Маше предложили поработать в сексе по телефону.

– С вашими голосовыми данными принимать заказы на такси – преступление против таланта... – сказала миловидная девочка-менеджер. Дальше Маша не услышала, так как пулей вылетела прочь. Что за ерунда такая, думала она, неужели всем нужно от меня только моё тело, а на мои знания, мой энтузиазм всем наплевать? Только на четвертый раз ей удалось-таки найти работу с подходящим графиком, где не надо было никого ублажать, вот только начальница постоянно действовала на нервы, а платили студентке без диплома катастрофически мало.

Оставив девчонок наедине, Маша пошла переодеваться на тренировку. Сняв с себя офисную сорочку и чёрную юбку чуть выше колена, Маша надела обтягивающий топ, так здорово подчёркивающий её третий размер, и тугие чёрные шортики, в которых её попа становилась похожей на круглый выпуклый бампер. В зеркале всё это смотрелось идеально, но Маше казалось, что тут и там выпирают жирные складки, а стоило ей кинуть взгляд на пылящиеся в углу весы, как по коже и вовсе забегали мурашки. Мысли о том, она, возможно, толстая, очень мучила Машу, она всё время с ностальгией вспоминала первый курс, когда весь первый

семестр ходила по универу в мятой толстовке, ненакрашенная и в полной уверенности, что она самая красивая – настолько ОН её в этом убедил. Сейчас, когда он был за тысячи километров от неё, слова уже не действовали, и страх остаться одной, помноженный на детские комплексы из-за фигуры, то и дело давал о себе знать. Лет до тринадцати Маша была очень полной девочкой, и как её только в классе не дразнили, аж вспоминать об этом противно, и сколько раз она дралась с мальчишками, что смели её обижать... Потом, правда, она им всем страшно отомстила. Превратившись к девятому классу в первую красавицу школы, – Маша сама не понимала, как так вышло, – она просто стала игнорировать всех, кто хоть раз позволял себе раньше какие-то насмешки в её адрес, делала вид, точно их и не было совсем. Более изощрённую пытку для обуреваемых гормонами пацанов трудно было придумать.

Маша уже собралась уходить, как снова зазвонил телефон. Это была Ксюша, её лучшая подруга. Или бывшая лучшая подруга?

– Привет, Монроша, – раздался в трубке голос Ксюши. Она всегда называла Машу Монрошей, потому что та просто с ума сходила по всему, что было связано с этой женщиной. – Как жизнь молодая?

– Потихоньку. Ты прикинь, со мной сегодня заигрывал настоящий миллионер.

– Ого, быть такого не может! Точнее, может, конечно...

В общем, рассказывай скорей, мир жаждет подробностей.

– Да особо и рассказывать нечего, это был хозяин здания, в котором располагается наша школа. Пытался взять у меня телефон, но я не дала.

– Что так?

– Нафига мне эти проблемы? К тому же он крутит роман с моей начальницей, так что...

– Эх, Мерилишка, тёмный ты человек, откуда ты вообще взялась такая непорочная?

– Мама с папой такой воспитали. И вообще – от непорочной слышу!

– Да если бы ты замутила с этим мужиком, тебе бы твоя собственная начальница пылинки с ног сдувала!

– А с чего ты взяла, что я этого хочу? Не стала и не стала, о чём тут ещё разговаривать, – раздражённо сказала Маша. Она любила Ксюшу, но терпеть не могла моменты, когда та лезла со своими советами.

– Ладно, как знаешь, твоя жизнь. Мы с Леной собираемся в «Вулкано», ты с нами?

– Какой там! Мне сейчас на тренировку, а потом ещё доклад по статистике делать, – проговорила Маша, благополучно умолчав о своём тотальном безденежье.

– Если что, подтягивайся. Ты знаешь, как нас найти, – с готовностью сказала Ксюша и повесила трубку. Тяжело вздохнув, Маша набросила лёгкую куртку, взяла спортивную сумку и вышла на улицу. Безлюдная автобусная остановка через

дорогу от дома встретила её равнодушным молчанием.

Я теряю лучшую подругу, мрачно думала она, глядя на проезжающие мимо машины. Зачем я только познакомила этих двоих? Лена перевелась к ним в группу в сентябре, ворвалась в их жизнь, словно локомотив, груженный фейрверками, и тут же покорила всех и вся. Парни летели на неё, как мотыльки на свечку, везде ей были рады, постоянно звали куда-то, так что она и дома-то редко появлялась... Машу вот нечасто куда-то звали, и она не понимала, в чём тут дело. Она ведь намного красивее Лены и знает намного больше её. «Вот потому, что слишком красивая, и не зовут, – сказал ей как-то Пашка, единственный парень с группы, не смотревший на неё свесив язык, впрочем, тайно влюблённый. – Боятся. Красота – страшная сила. Я сам обалдел, как в первый раз тебя увидел. Мне почему-то показалось, что ты настолько высокомерная, что нечего даже и пытаться заговорить с тобой».

Заскрипев шинами, напротив Маши остановился автобус, но девушка не села в него, ей нужно было совсем в другую сторону. Водитель долго смотрел на неё, как смотрят на мираж, потом словно очнулся, закрыл дверь и уехал, а Маша осталась сидеть. Да, той осенью она и сама не избежала чар этой Лены, чтоб ей пусто было. При первом же удобном случае пригласила её к себе в гости, а там уже познакомила с Ксюшей, с которой они чуть ли не с пелёнок были вместе. Ещё уверена была, что положила начало большой дружбе,

дурочка. Сперва и правда всё было супер, они всюду ходили только втроём, таскались по кафешкам и барам до утра, пока не выгоняли официанты, а когда Маша была совсем «на мели», Лена с Ксюшей тактично предлагали «просто погулять». А потом, через месяц, подругу словно подменили. Ксюшенька, такая умница, скромница, девочка-активистка студсовета, которая никогда не подведёт, в кого ж ты превратилась... В копию Лены, этой двуличной, гнилой насквозь стервы, что улыбается в лицо, а за глаза поливает тебя грязью. Ксю, посмотри на себя, на кого ты похожа... Чёрт те что, а с боку бантик. Какой-то странный макияж, аляповатые шмотки, развратные аватарки – к чему это всё? Ну не стать тебе второй Мадонной, не стать. Уже и добрые люди стали шептать мне на ушко, что ты гуляешь с Леной тайком от меня... А ещё лучшая подруга называется! Вот и теперь эти нотки облегчения в твоём голосе...

Наконец подъехал её автобус. Едва девушка вошла, какой-то мужчина тут же бросился уступать ей место, остальные пассажиры не спускали с неё глаз. Вежливо отказавшись, Маша осталась стоять – ехать ей было не так далеко. Чтобы хоть как-то отвлечься от тягостных мыслей, она стала думать о танцах. Танцы были не вполне обычными, Маша танцевала стриптиз в специализированной школе. Никто, кроме её парня и Ксюши, не знал об этом её увлечении. Она, казалось, перепробовала всё на свете – начинала с бальных, потом переключилась на современную хореогра-

фию, но быстро бросила, какое-то время увлекалась чирлидингом, от которого тоже довольно скоро отказалась. Всё это было совсем не то. Танец... Она даже не знала, какими словами выразить это чувство, каким он должен быть. До начала занятий стриптизом каждый хореограф считал своим долгом сказать ей что-нибудь вроде: «Почувствуй себя птицей, лети...» Но всё как раз и крылось в том, что Маша не была птицей, она была кошкой.

Однажды на студенческом вечере она случайно познакомилась с Варей, преподававшей в этой самой школе полдэнс. Эта грациозная нимфочка, как же она классно двигалась в танце... Маша похвалила её пластику, они разболтались, и Варя уговорила Машу попробовать. Сперва нечегошеньки не получалось – и руки тряслись, как у немощной старухи, не в силах удержать тело на пилоне, и пальцы то и дело разжимались в самый неподходящий момент. Сколько шишек она тогда набила, сколько синяков оставила... Впрочем, скоро упорство дало свои плоды. Какой кайф она испытала, правильно исполнив свой первый в жизни элемент! Столько радости она не чувствовала со дня своего последнего свидания. И всё равно было мало, мало! Лишь перейдя из любопытства в группу стриптиза, она впервые в жизни почувствовала полное удовлетворение. Ещё бы, она, наконец, нашла себя!

В подвале неприметного здания с железной дверью на краю города, куда мужчинам был вход заказан, в уютном

зеркальном зале со множеством шестов Маша находила убежище от того мира, в который каждый раз была вынуждена возвращаться. С каждым плавным движением тела, с каждой снятой с себя под музыку вещью она освобождалась от оков, мягкие подушечки лап осторожно ступали, изумрудные глаза светились в полумраке. Она не собиралась демонстрировать никому своё искусство, никому, кроме НЕГО. В университете она ходила без макияжа, в бесформенной толстовке и джинсах, под которыми, впрочем, всегда скрывалось хорошее кружевное бельё. Никто за пределами школы не знал, на что она способна, оказавшись один на один с шестом. Только ОН знал.

Основная преподавательница по стриптизу заболела, и сегодня её заменяла Варя. Коньком Вари была акробатика, Маша ждала новых трюков на пилоне, но Варя сказала: «Сегодня практикуем приват», – и разбила девочек на пары, избрав своей напарницей Машу. Включив музыку, она пёрышком приземлилась на резной стул и смотрела вся в ожидании. Гигантские накладные ресницы завораживали, выразительный взгляд немигающих глаз обездвигивал, и Маша никак не решалась начать. Лишь когда блестящие розовые губки Вари послали ей невидимый поцелуй, Маша робко ступила вперёд. Тонкая рука с нежной белой кожей плавно скользит по талии куда-то вниз, Маша кошачьей походкой движется по кругу. Под игривой улыбкой Вари лёд отточенных движений тихо тает, Маша вспыхивает и выпускает когти. Крас-

ные стены зала, огромные зеркала и лес пилонов вокруг плывут где-то вдали, еле различимые в сизой дымке, будто их и нет, она – Гвенвивар, кошка, что охотится в пустоте. Приятное тепло в мышцах, как от бокала хорошего вина, мурашки по коже от каждого прикосновения к телу, она медленно сходит с ума, в какой-то момент она даже закатывает глаза и едва не теряет равновесие. Варя перед ней, как статуэтка из слоновой кости, неотрывно следит стеклянными глазами и улыбается будто тайком, так что Маша чувствует почти непреодолимое желание прикоснуться к ней, провести рукой по этой коже, ощутить упругость этой нагло стоящей груди, попробовать Варю на вкус... Хвост плетью стегает горячий воздух, шерсть лоснится в тусклых огнях... В какой-то момент она вся сжимается в комок, готовая броситься, впиться в эту нежную плоть, свернуть эту птичью шейку, испить...

– Достаточно, – остудил её голос Вари. – Это если не гениально, то очень и очень хорошо. Даже я тебя захотела.

– Что? – хлопая ресницами, спросила Маша. Наваждение пропало.

– У тебя большой талант к привату. При желании ты могла бы сделать на этом состояние. Поработай пока у зеркала, я должна посмотреть, как справляются остальные. После занятий не забудь подойти ко мне, у меня есть кое-что для тебя...

Когда урок был окончен, и все девочки отправились в раздевалку, Варя первой подошла к Маше.

– Вот, держи, – сказала она. – На случай, если очень нужны будут деньги, – и протянула Маше визитную карточку. Стриптиз-клуб «Инферно». «Приглашаются в качестве танцовщиц девушки от восемнадцати лет, опыт работы приветствуется, заработная плата достойная».

Домой Маша возвращалась, когда солнце уже село и на город опустились первые сумерки. Громады многоэтажек чернели по краям узкой дорожки света, что выхватывали из пустоты пока ещё живые фонари. Казалось, за пределами этой дорожки нет никого и ничего, но Маша чувствовала жизнь, ничуть не замершую с заходом светила, и даже наоборот, бурлившую с новой силой. Где-то на девятом этаже из окна доносилась музыка, в кустах слева и справа слышались шорохи и тяжёлые шаги. Кто-то хрипло покашливал и негромко переговаривался на лавочке под липами, а группа чёрных силуэтов у киоска пускала дым и заливалась, как стая гиен. «Гляди, да вот же, мимо идёт», – услышала Маша из темноты и прибавила шаг. У подъезда сидели несколько парней, они пили пиво. Стоило Маше подойти к двери с домофоном и начать копать в сумке в поисках ключа, разговоры стихли. Мобильник, косметичка, сменка... Да где же этот чёртов ключ? Вот он. Тёплый металл звякнул о холодный, и чёрная пасть дверного проёма проглотила её. Тишина и темнота обступили со всех сторон – видимо, лампочку опять кто-то разбил. Маша прислушалась и не услышала ничего. Хотя нет, что там? Дыхание. Чуть прерывистое, тихое дыхание и стук.

Это же стук её сердца. Маша закрыла глаза и пошла вслепую по лестнице на свой этаж. Эту дорогу она проделывала тысячи раз. Снова пара манипуляций с ключом, и она дома. И снова тишина, девчонки уже спят. Какой уж тут доклад. Чувствуется, семинар по статистике она завтра пробыёт...

Разуться, положить сумку на комод, сбросить с себя шмотки, швырнуть их в корзину для стирки, включить воду в ванной и десять минут крутиться перед зеркалом, отыскивая новые складки на боках. С трудом найти одну, маленькую, расстроиться по привычке. Смыть надоевший макияж, заняться личной гигиеной. Выпить большую кружку воды, на цыпочках пройти к себе, в темноте нащупать диван, раздвинуть его и скользнуть под одеяло. Десять минут слушать лай собак и грохот трамвая под окнами. Вспомнить, как Ксюша описывала свой секс с последним хахалем. Они познакомились в интернете, она просто позвала его к себе, когда предки свалили на дачу, и они занялись этим прямо в прихожей. Как это, должно быть, здорово... А ведь у Ксюши теперь мужиков больше было, чем у неё. У неё вообще не было мужиков, только ОН. Маша закрыла глаза и представила, как ЕГО горячие ладони скользят по её бёдрам. Где-то внизу живота занялся маленький костёр, и девушка инстинктивно протянула ему свою руку... Пламя вовсе не обжигает, оно согревает тогда, когда это не может сделать кто-то другой. Через пятнадцать минут она уже спала крепким сном, и даже выстрел из пушки, не говоря уже о трамвае с собаками,

не смог бы её разбудить.

II

На следующий день Маша в привычной толстовке, ненакрашенная и непричёсанная, сидела на паре в полупустом лекционном зале. Преподав по бухучёту что-то уныло бубнила себе под нос. Пришедшие на лекцию студенты давно отчаялись понять, что она говорит, отбывая пару, как неизбежное наказание. На душе у девушки скреблись кошки – сегодня она потратит последние деньги на продукты, купит всего по мелочи – рис, картошку, макароны, тушёнку, хлеб, – и тогда у неё останется совсем чуть-чуть, на проезд. Деньги от парня ещё не пришли, от родителей помощи ждать было бессмысленно, а до зарплаты ещё далеко. Надо было срочно что-то решать...

Покопавшись в сумочке, Маша достала крохотную визитную карточку «Инферно», что ей вчера дала Варя. Девочки говорят, что около сорока штук в месяц выходит, и это не считая тех «чаевых», что оставляют клиенты. Сорок тысяч в месяц... Это же целое состояние! До этого она как-то умудрялась выживать на шестёрку, что высылали родители, да на нерегулярную поддержку парня, но если у неё будет такая работа... У Маши аж круги поплыли перед глазами от мыслей, сколько всего можно купить и сделать на эти сорок тысяч... С одной такой зарплаты она могла бы полностью обновить себе гардероб, а потом со временем переехать

в отдельную квартиру. Она могла бы запросто позволить себе билет на самолёт в другой конец страны, где сейчас живёт и учится ОН. Губы Маши сами расцвели в широкой улыбке от мысли, какое у него было бы глупое и счастливое лицо, когда он встретил бы её в аэропорту...

– Что это у тебя? – спросил Пашка, секунду назад дрыгнувший рядышком.

– Ничего, – буркнула она и быстро спрятала визитку. – Не твоё дело.

– Ой, ну прямо даже и спросить нельзя, – скривился одноклассник и хотел было снова бухнуться спать, как вдруг какой-то шум привлёк его внимание. Человек шесть сгруппировались на задних рядах и шушукались оживлённо о чём-то, издавая громкие смешки. – Гляди-ка, наш Антонио из Штатов вернулся.

Приглядевшись, Маша увидела черноволосого кудрявого парня с брутальной трёхдневной щетиной, из-за которого и был весь шум. Непрерывно жестикулируя, он рассказывал что-то громким шёпотом, отчего окруживших его ребят то и дело душили приступы беззвучного хохота. Один так и во все корчился на парте, обливаясь слезами, так что Маше даже самой стало смешно, глядя на него. Антонио был очень красив собой, и девушка, сама не зная как, вдруг почувствовала влечение.

– Пашка, кто это такой?

– Это Антон, он на год старше нас учился. На третьем кур-

се укатил в Америку на стажировку на целый год, теперь вот вернулся и снова на курсе восстановился.

– Как это он в конце учебного года восстановился?

– Не знаю, может просто так к друзьям пришёл.

– А почему я его раньше не видела?

– А когда ты вообще хоть что-то видела, ты ж всё время в себе, по сторонам не смотришь...

И то правда. Знакомые часто обижались на Машу за то, что она не здоровалась с ними, встретив в коридоре. А она и вовсе их не замечала, погружённая в свои мысли.

– Американец, значит. Антонио... – мечтательно протянула девушка. – Как бы мне с ним познакомиться...

– Понятия не имею, – зло отозвался Пашка. – Спроси у него что-нибудь про Америку. Или скажи, что тебе нужен репетитор по английскому...

Идея была неплохая, и Маша твёрдо решила, что так и сделает при первом же удобном случае.

– Пашка, да ты голова! – сказала она и потрепала одноклассника по волосам. Тот лишь поморщился и отвернулся. Он всегда так реагировал, когда она говорила о других парнях.

Когда пара кончилась, Маша без лишних слов подошла прямо к Антонио, окружённому приятелями, и спросила, не хочет ли он позаниматься с ней английским, чтобы ей проще было сдать экзамен. И хотя в воздухе вокруг неё и Антона тут же повисла изнывающая от любопытства тишина, он

оставил ей свой номер и предложил созвониться на досуге. Чего ещё было желать?

На работу Маша летела как на крыльях. Как он на меня смотрел! – думала она. – А как эти его друзья переглядывались между собой! Интересно, что он подумал, когда я предложила ему встретиться? Ничего дурного, я надеюсь, это ведь всего лишь встреча. А ЕМУ я ничего не скажу, или скажу, что встречалась с подругой. Зачем кому-то вообще об этом знать? Имею я право, в конце концов, встречаться с кем захочу? Ведь никто никому ничего не должен, никто ничего не обещал, и клятвы не давал, и штампа в паспорте, вроде, пока тоже нет... Но какой же Антон красивый! Даже лучше, чем тот, что вчера подбегал на лестнице...

Радость от предстоящей встречи с заезжим красавчиком быстро растворилась, стоило ей встретиться взглядом с начальницей, увидеть гору бумаг, которые предстояло разгрести, и заглянуть в кошелёк. Там было пусто. Разобрав бумаги примерно наполовину, Маша поняла, что больше ждать нельзя, надо действовать. Достав визитку клуба «Инферно», она немеющими пальцами набрала номер и позвонила. Ответил приятный женский голос.

– Ночной клуб «Инферно». Чем я могу вам помочь?

От волнения Маша, казалось, на миг позабыла родную речь.

– Я... э-э... Здравствуйте! Я хотела бы устроиться к вам на работу! Танцовщицей.

– Замечательно! У нас как раз на следующей неделе кастинг, туда и подходите. Адрес знаете?

– Д-да, у меня записано.

– Тогда мы ждём вас в пятницу в шесть часов. Не опаздывайте. Форма одежды... Думаю, комментарии тут излишни.

– Да, спасибо, я всё поняла, я приду, – проговорила Маша и положила трубку. Боже мой, зачем она это сделала...

Внезапно трубка в онемевшей ладони громко задребезжала, так что Маша едва не выронила её. Это звонил ОН, её парень. Отвечать или нет? – подумала она. – Подозрительно как-то будет, если я не отвечу. А с другой стороны, всегда можно сказать, что была занята, что начальница задержала. Да мало ли какой лабуды можно наплести, – главное, чтобы он ни о чём не догадался и не спросил, потому что если спросит, то расколюсь тут же. Чтоб её, эту чёртову искренность – и какой идиот только решил, будто она помогает по жизни? Ведь это же бред! А трубка всё звонит и звонит, зараза. Ну что ж ты у меня такой настойчивый, милый мой, хороший? Ты разве не понял до сих пор, что я занята, что я не могу сейчас разговаривать? Да и потом тоже не смогу... Никогда уже не смогу с тобой нормально разговаривать, потому что это всё будет ложь, ложь, ложь. Ну, клади ты уже свой телефон в карман и иди по делам, тебе что, нечем заняться? Ты же всегда у нас так сильно занят, а на меня у тебя время едва ли остаётся, ты же у нас хочешь покорить весь мир, горы сдвинуть! Куда тебе до маленькой и глупой меня,

которую угораздило оказаться в этой дыре, забытой и никому не нужной?

– Возьми ты уже телефон, сил же никаких нет! – высунулась из двери напротив физиономия училки по английскому и тут же исчезла. Это было так неожиданно, что Маша даже нажала «Принять вызов» и поднесла трубку к уху.

– А-алло, да. Да я на работе ещё, не могла говорить. Ты как? Да ерунда, могу. У меня уже почти конец рабочего дня, я как раз собиралась уходить. Солнышко, нет, я ещё не проверяла счёт, но в любом случае, спасибо, что прислал. Ты даже не представляешь, как ты мне опять помог. У меня сегодня как раз закончились деньги. Да, вот так. Вообще закончились, даже на проезд нет, я домой пешком сегодня иду. Ничего, минут двадцать, иногда это даже полезно. Дома у меня есть кое-какие продукты, да и девчонки что-нибудь приносят иногда, так что с голоду бы не померла. Нет, даже не начинай опять про моего отца, я сейчас не хочу об этом говорить. Что значит – у меня не такой голос? А какой у меня должен быть голос? Не выдумывай. О каких глупостях ты говоришь? Разумеется, я бы не стала совершать никаких глупостей. Ты что, мне не доверяешь? Скоро уже будет четыре года, как мы вместе, а ты так и не научился доверять. Нет, ну я же слышу интонацию... Вот скажи мне, кем ты меня считаешь? По-твоему, я шлюха, да? Нет, а кто тогда? Думаешь, если бы я была шлюха, я бы сидела так каждый день в ожидании звонка? Не надо меня успокаивать, оставь себе все эти

твои нежности. И вообще, я сейчас занята. Да, вот так.

И она положила трубу. Даже не попрощавшись. Такого резкого поворота от себя она никак не ожидала. Сколько раз они ссорились с НИМ именно из-за этого – из-за того, что она бросала трубку. Просто так, потому что ей нечего было больше сказать. Как только она чувствовала, что слова повисают в горле, пальцы сами собой нажимали на сброс. В итоге – ссоры, ссоры, ссоры, бесконечные и утомительные. Но зато сколько счастья потом, когда миришься, когда он тебя простил и говорит своим напускным строгим тоном: «Больше так не делай!». А ты ему: «Хорошо, милый!». И так сразу легко на душе, будто свежего воздуха после дождя глотнула, и хочется приехать к нему домой, постучаться так робко, словно нашкодившая кошка, что скребётся в двери к хозяину, и с лукавой улыбкой сказать «Привет!», когда он откроет дверь и будет стоять на пороге ошеломлённый, а потом набросится на тебя, схватит жадными руками и зацелует всю... Но это было уже так давно, что иногда невольно задаёшься вопросом: со мной ли?

Трубка снова задрезбуждала, сердито и возмущённо – это звонил ОН, и она уже знала каждое слово, что он ей скажет. Всё это уже даже не напоминало дежавю – скорее какую-то заевшую пластинку на старом граммофоне. Маше не хотелось её слушать.

– У тебя опять телефон звонит, – сказала англичанка, выходя из кабинета и запирая за собой дверь.

– Я знаю.

– Ты не собираешься брать?

– Нет. Это мой парень, и мы опять ссоримся.

На стене громко тикали большие офисные часы. Рабочий день кончился, Маша могла уйти ещё пять минут назад.

– Ты его любишь? – спросила англичанка. Какое этой мымре вообще дело до её проблем?

– Я не знаю, – снова неожиданно для себя сказала Маша и нажала на «сброс». Да что с ней сегодня такое?

– То есть как это – не знаешь?

– Вот не знаю, и всё. Иногда, кажется, так и бросила бы всё здесь, и уехала туда к нему, на край света.

– Это ты на краю света, милая моя... – покачала головой англичанка.

– А иногда идёшь по универу и думаешь: Господи, ну за что мне всё это? Почему в этой жизни именно мне так не повезло? Почему у моих подруг нормальные отцы, которые балуют своих дочерей, могут просто так приехать и сказать: «Доча, я тут тебе айфон купил», а у меня нет? Почему у них у всех, девчонок, парни живут в одном с ними городе, дарят им цветы, да чёрт с ними, с цветами – просто могут прийти и обнять в любой момент, а у меня нет даже этого? И вроде бы он звонит каждый день, и я уже привыкла давно, и живу одним только его голосом, но просто хочется иногда не слушать никаких нежных слов, хочется, чтобы тебя просто обняли, прижали к себе и не отпускали. Разве я

так много прошу?

– А чего ты тогда за него так держишься, если даже не знаешь, любишь ты его или нет? Разве мало вокруг тебя молодых людей?

– В том то и дело, что много. Иногда даже слишком много. Так много, что кажется, словно жизнь мимо проходит.

– Так брось его и найди себе что поближе.

– Такого, как он? Здесь? Это маловероятно. Да и не смогу я его бросить. У меня сил не хватит, чтобы это сделать.

– Тогда сделай так, чтобы он тебя бросил. На это у тебя сил точно хватит.

Тут Маша впервые внимательно посмотрела на англичанку, словно до этого та была для неё чем-то материально невоплощённым, и тут внезапно обрела тело. С удивлением Маша подумала, что когда-то и эта бальзаковская лысеющая мымра была молодой и, может быть, даже красивой. В далёком, сгинувшем советском прошлом.

– Я сегодня видела, как Наталья Николаевна плакала, – сказала англичанка. – Я зашла к ней в кабинет после обеда за журналом и увидела, как она вытирала слёзы.

– Наша Наталья Николаевна? – не поверила Маша. Ей всегда казалось, что слёзные железы у этой стальной бабы атрофировались ещё в момент сборки на местном автозаводе. – С чего бы ей плакать? Дела у школы вроде неплохо идут.

– Она мне, естественно, не сказала, но думаю, это она над своей несчастной судьбою слёзы льёт. Ты тут новенькая –

историю её не знаешь?

– Кто б мне рассказал...

– Она тоже была, как ты в своё время, ждала с моря погоды. Не такая красивая, правда, но парни всё равно заглядывались. Многие ухаживали, и она даже вышла за одного замуж, но долго это не продлилось. Год, от силы два. Муж у неё, как только женился, так перестал работать. Не сразу – постепенно. Сначала рисовал ей какие-то волшебные замки, обещал бизнес открыть, разбогатеть... Так красиво пел, что она и не сразу его раскусила. Только потом уже поняла, что на альфонса попала. Он каждый раз извинялся, денег у неё просил, говорил, что всё вернёт, когда разбогатеет.

– И потом что?

– Ну что, терпение у неё кончилось, она его к стенке припёрла, так ничего путного не добила и в итоге вышвырнула из дома. Он в чём был, в том ушёл к матери жить. Это лет пять назад было, как раз она школу эту открыла.

– И что, за пять лет она не смогла себе найти мужа?

– Не смогла. Говорит, утратила веру в мужчин. Мол, измелечал мужик. Все настоящие повывелись, только в кино остались. Ни одного к себе на метр не подпускала всё это время.

– Понятно теперь, чего она такая злая целыми дням ходит.

– Она не злая, а очень несчастная. Посуди сама, где в нашем городе молодой, сильной, преуспевающей женщине найти себе нормального мужика? Кругом одни алкаши да

импотенты. А сейчас ей уже тридцать, некоторые мамы своих детей к этому возрасту в школу ведут, а она всё одна.

– А как же этот – миллионер её, Али? – спросила Маша, поглядывая на телефон, не зазвонит ли снова?

– Не думаю, что это у них серьёзно, она и сама это понимает. У них это всё недавно началось, мы как раз переехали в это здание, которым Али владеет. Для него эти шуры-муры – так, интрижка, ничего больше. Когда у тебя столько денег, совсем по-другому начинаешь и на людей вокруг смотреть, и на мир.

– Зачем вы мне вообще всё это рассказали?

Англичанка пристально посмотрела на Машу сквозь свои массивные увеличительные стёкла.

– А ты сама не догадываешься? Не сиди на попе, не жди, пока счастье само в руки приплывёт. За ним ещё нужно побегать. Сдай за меня ключ на вахту, пожалуйста, – и, набросив на плечи серое драповое пальто, преподша отдала Маше ключ и ушла.

Как только дверь за англичанкой закрылась, телефон снова зазвонил. На выдавшем виды экране высветилась их общая фотография, которую они сделали в аэропорту в последний раз, когда ОН прилетел в город под Новый год. Она тогда ждала в холле, наверное, целый час, потому что рейс, как всегда, задержали, якобы из-за тумана, и Маша вся извелась, пока самолёт отгоняли на стоянку, пока пассажиры получали багаж за стеклом. Она увидела ЕГО через тонкую стек-

лянную стенку и почувствовала себя золотой рыбкой в аквариуме, подозревающей, что где-то там есть большой и интересный мир, но самой ей в него ни за что не попасть. Зато потом она была награждена за все томительные часы, дни, месяцы ожидания, она чуть с ума тогда не сошла. Казалось, человек не может испытать столько счастья, не может так сильно любить, чтобы у него от напряжения не разорвалось сердце. Стеклянная дверца со скрипом отъехала в сторону, и ОН, бросив свои чемоданы, рванул к ней и подхватил её на руки как пушинку, и целовал, целовал, целовал, пока другие прилетевшие отводили взгляды и смущённо улыбались. В тот момент, у него на руках, она достала телефон и сфотографировала их обоих, чтобы каждый раз, глядя на фотографию, испытывать хоть одну сотую того невероятного счастья, что захлестнуло её, когда любимый приехал. Но сейчас она смотрела на фото, и сердце предательски молчало. Наконец, она решилась.

– Алло. Можешь не начинать, я знаю, что была не права, я прошу у тебя прощения. Да. Больше не буду. Блин, я же сказала, не начинай, я не хочу опять ссориться по этому поводу! Я не ору на тебя, успокойся. Нет, я здесь одна, нас никто не слышит. Потому что появились кое-какие дела. Зачем тебе знать? Лучше расскажи, что произошло у тебя, – и Маша надолго замолчала, слушая этот спокойный красивый голос, говоривший ей о вещах, бесконечно от неё далёких, и потому не вполне интересных. Время от времени

она переспрашивала отдельные непонятные слова, хмыкала, когда ОН пытался шутить, в чём-то поддакивала, – в общем, старалась показать участие. Все его подобные рассказы обычно заканчивались словами «Что мы всё обо мне да обо мне?», и тогда она пересказывала последние сплетни из университета, жаловалась ему на свою фигуру – ей всё казалось, что она толстая, – сетовала на низкую зарплату и безденежье, перечисляла всех, кто с ней заигрывал за последнее время, убеждая, впрочем, что кроме него ей никто не нужен. Ещё они очень много говорили о сексе. Когда ты надолго и вынужденно чего-то лишён, на ум не приходит ничего иного, кроме как обсуждать это до посинения. Но теперь ей вдруг всё это опротивело. Стоило ему начать очередной свой радужный рассказ о какой-то маленькой, но приятной победе, к горлу подкатил ком. Нет, она не завидовала, хотя и замечала за собою порой это чувство, просто это всё больше стало напоминать ей какую-то пошлую драму на фоне картонных декораций, грубо размалёванных для прогорающего театра.

– Знаешь, – вдруг перебила она его на середине предложения, – мне сегодня приснился сон. Я уже не раз говорила, какие яркие мне обычно снятся сны. И в этом тоже всё было почти что как в жизни. Мне приснилось, что на нас напали фашисты, как в сорок первом. В какой-то момент рано утром началась бомбёжка, весь город встал на уши, люди носились по улицам и кричали, а над самыми крышами домов пролетали бомбардировщики и сбрасывали снаряды.

Бомбы падали, дома тряслись от страшных взрывов, во все стороны летели ошмётки кирпича и бетона, осколки стекла, облака пыли поднимались до неба, повсюду что-то горело. Я бежала сквозь дым и пепел к своему дому, где, я точно знала, была вся моя родня – родители, тётя с дядей, бабушка с дедушкой, младший брат и даже лучшая подруга. Я была почему-то на сто процентов уверена, что стоит мне попасть домой, и всё наладится, я смогу их всех защитить, но когда я уже подбегала к подъезду, прямо в окна нашей квартиры угодила здоровенная бомба. Взрыв во мне был такой силы, что я упала на землю и потеряла сознание, а когда пришла в себя, на месте моего дома была лишь груда обломков, ничего больше. Подожди, не перебивай меня, пожалуйста, дослушай до конца. И я стою такая, смотрю в шоке на эту гору кирпича, над которой вьётся пыльное облако, и от шока не могу даже заплакать. Всё, что было мне дорого, всё, ради чего я жила, погребено под этими кирпичами, все самые дорогие мне люди. Куда мне теперь идти, что делать, зачем мне вообще теперь жить? И я пошла куда-то, куда глаза глядят, и вдруг вижу, что вокруг меня квартал, который не застала бомбёжка. Новенькие высотные дома, чистые и светлые дворы, хороший асфальт на дорогах, клумбы с цветами тут и там, фонари не разбиты, плитка на тротуарах. Тут из-за поворота выворачивает красивая красная машина, кабриолет. Там сидят какие-то парни с девушками, смеются громко, им весело. Среди них я вижу тебя, ты сидишь рядом с во-

дителем. Я подбегаю к тебе и кричу: «Фашисты напали, надо скорей уезжать!», а ты на меня смотришь с недоумением, и твои дружки на меня косятся как на ненормальную: «Ты что, какие фашисты? Посмотри вокруг, всё же хорошо!» Тогда я тупо начинаю реветь, рассказываю, как бомба попала в мой дом, как все, кого я любила, погибли, а ты только головой качаешь и говоришь: «Это всё неправда, этого не могло случиться, всё хорошо. Садись лучше к нам. Мы как раз едем в кафе есть мороженое». Вот так вот, мороженое есть, ни больше, ни меньше. Я знаю, что реальность и сон между собой никак не связаны и что в жизни ты бы так не сказал, но тогда, во сне, когда всё было так реально, мне захотелось тебя убить. Просто придушить на месте. Я поражалась, как ты можешь говорить такие вещи, когда мои родители погибли? Я и проснулась с этим чувством, и у меня ушло утром минут пятнадцать точно, чтобы убедить себя в том, что это и правда был сон. Кстати, я устроилась на новую работу. Я буду танцевать стриптиз.

После этих слов они опять поссорились. ОН долго не мог поверить в то, что она его не разыгрывает, потом уговаривал, словно заклинание, повторяя: «Откажись от этой затеи, откажись, откажись, откажись». Говорил, что стриптиз – это первый шаг к проституции, что половина стрипклубов – это замаскированные бордели, что оказывать интим-услуги клиентам входит в непосредственные обязанности стриптизёрш. Рисовал мерзкие картины того, как она будет раздеваться, пронзаемая насквозь сотней похотливых глаз, так что Маше в какой-то момент показалось, что её сейчас вырвет. Заклинал не ходить даже на этот кастинг, потому что это станет началом конца их любви, что он никогда не станет терпилой, смирившимся с такой работой своей девушки, что страшнее этого может только быть мужем проститутки и подбрасывать её на машине к клиентам, – мол, такое частенько практикуется в той же Европе. Маша слушала всё это, проглотив язык. Слова не то что застряли у неё в горле – они умерли ещё в утробе, так и не родившись. Лишь когда он задался вопросом: что на всё это скажут её родители? – она не выдержала. Если не стриптиз, то что тогда? Она стёрла себе все сапоги, пока обивала пороги этих чёртовых контор. Никто не берёт студентку без опыта работы, да ещё и на сокращённый рабочий день. Знал бы он, сколько гадостей ей предлагали, сколько раз смотрели на неё как на игрушку, как на товар? Наступит зима, а у неё нет нормального пальто или пухови-

ка, не говоря уже об обуви. Те сапоги, что у неё есть, она носит уже третий год, они прослужат ещё немного, но до весны явно не дотянут. Где ей взять деньги на все эти обновки, на новую косметику, на квартиру, ведь у неё каждый рубль на счету. Отец никогда ей не даст ни копейки, а мать с братом и так с хлеба на воду перебиваются. Она устала заниматься у подруг и соседок, те уже косятся на неё при встрече, а у Светы, что пашет на хостесе, дела едва ли не хуже, чем у неё самой, её вообще лишили зарплаты. Он ещё слишком молод, у него нет постоянного заработка, чтобы обеспечить её. Те крохи, что он зарабатывает своими подработками, дают ей не помереть с голоду, она очень ему благодарна, но этого всё равно мало, бесконечно мало! А если бы она пошла танцевать стриптиз, она могла бы получать сорок штук в месяц. Сорок штук! Снимать отдельную квартиру, ни от кого не зависеть, покупать любые шмотки, в ресторане питаться хоть каждый день! Не было бы этих сочувствующих взглядов Ксюши, с которой она даже кофе после пар выпить не может, не было бы снисходительных ухмылок Лены, не было бы этого постоянного страха как перед концом света, а были бы уверенность и спокойствие. И всё это только за то, чтобы поработать несколько часов ночью, раздеться под музыку, то есть делать то, что ей нравится больше всего на свете! Да, согласна, ей было бы тяжело первое время, но она перешагнула бы через себя, ведь все так делают, ведь часто жизнь складывается совсем не так, как мы хотим.

Что, счастье? Пускай не рассказывает ей о счастье! Кто ему сказал, что, переступив через себя, она уже никогда не почувствует настоящего счастья, как в детстве? Кто сказал, что деньги не принесут радости, а будет только горе и сожаление? У него всегда была богатая фантазия, но тут она уже переходит все границы. Ему повезло, у него никогда не было таких проблем, никогда не приходилось бороться за кусок хлеба, и слава Богу! Она не завидует, она очень рада за него, правда, но пусть он прекратит жить в этом своём маленьком позолоченном мирке, где всё всегда складывается так идеально! Мир не такой, как он его себе представляет, он другой, он страшный и злой, он враждебный и холодный, и согреет его только тот, кто ободрал себе кожу на руках, собирая обледеневший хворост. Если он не принимает её со всем её проблемами, не лучше ли ему бросить её? Она давно бы нашла себе какого-нибудь папика, какие уже раз пятьсот попадались ей на пути... А что, в самом деле, жила б себе на его деньги припеваючи, занималась тем, что ей действительно нравится, не дрожа над каждой копеечкой. Многие так живут, а кто кричит про высокие идеалы и совесть, тот сам не жил так, как она, и не знает, что это такое! Ах, он не ждал от неё таких слов? Причём здесь вообще любовь? Как его любовь поможет ей купить продуктов на выходные, подыскать новые туфли, заплатить за квартиру в следующем месяце? Он молчит, он думает только о себе, о своей якобы задетой чести, об униженном самолюбии и оскорблённых чувствах. А она

думает о том, что будет есть сегодня на ужин. Теперь это гречка, завтра макароны, потом картошка, а дальше? Как он любит это словечко «мещанство». Он всегда его употребляет, когда она говорит о «хлебе насущном». Пусть он простит её, она не шлюха и не предательница, она мещанка. Алло, алло, трубка отзывается короткими гудками, где-то за шесть тысяч километров нажали на «сброс». А может, у него кончились деньги, всё-таки они говорили больше часа... В любом случае, на улице уже стемнело, надо скорее добраться до дома, на завтра делать много домашки, но она, скорее всего, забудёт. Сегодня она уже ни на что не способна, её выпили до дна...

III

На следующий день Маша встречалась с Антонио, которого уже за глаза прозвала «американцем». Он был высок, широкоплеч и очень красив. Может быть, даже красивее её парня. Чувство юмора у него однозначно лучше, да и сложен он не в пример ЕМУ. Они сидели в кафе и болтали. Маша поглощала самый, наверное, вкусный тортик, который она когда-либо пробовала, а американец заливался соловьём. Естественно, счёт оплатил он, и Маша, обычно подчеркнуто независимая, сейчас благодарно промолчала. Они начали было говорить по-английски, какой изначально и был уговор, но Маша быстро свела всё к флирту, в упор расстреляв Антонио своими большущими горящими глазами. Заметил ли он, как она на него пялится? Что он думает о её фигуре, интересно? Такому, как он, должен нравится её тип, иначе как было бы неприятно узнать, что его влекут длинноногие худышки! Что-то он такое рассказывает интересное, что-то об Америке, он ведь почти полгода прожил в городе Ангелов, его и внешне от американца не отличить. Чётко очерченные скулы, большие, вечно ухмыляющиеся губы, умный взгляд с прищуром, прямой нос, подбородок, как у героев голливудских боевиков, небритый, правда, но это ничего, ему даже идёт. А голос такой мягкий и приятный, так бы и слушать его, лишь бы он не замолкал, а говорил, гово-

рил, говорил... Ещё у него большие мускулистые руки, он ведь спортсмен, перепробовал почти все экстремальные виды спорта – и парашют, и сноуборд, и сёрфинг, и горный велик, и банджиджампинг, и чего только не было. Они просидели в том кафе часа два, и всё это время Маша не переставала пожирать американца глазами. Уже с первых секунд, стоило ему поздороваться с ней по-английски, она поняла, что хочет его, да так сильно, как уже давно никого не хотела. Её всегда возбуждали умные мужчины, именно так её парню и удалось заполучит её в первый раз, он сразил её своим интеллектом, и теперь вот этот красавчик ничуть ему не уступал, а в чём-то даже и превосходил. Боже, если б она только могла оказаться с ним наедине, он был бы не жилец – растерзала бы на тряпочки вот этими вот самыми ногтями. А этот в постели хорош, видно по взгляду, бр-р-р, аж мурашки по коже. Что же он о ней думает, что думает, что, что, что? Но нельзя же вот так в лоб, сразу, это как шахматы, детский мат тут не поставишь, придётся вести долгую и напряжённую игру...

Из кафе Маша не вышла, а вылетела, паря на высоте примерно трёх сантиметров от земли. Он проводил её почти до самого подъезда, и если бы Маша не была точно уверена, что соседки дома, то обязательно пригласила бы к себе на чашечку кофе, а там... Её пустующий диван страшно обрадовался бы новому гостю. Но вот он вежливо прощается с ней, по-дружески целует в щёчку и не спеша бредёт прочь.

Задница у него тоже что надо. Маша, соберись, ты вся дрожишь, как восьмиклассница. Конечно, понятно, что у тебя уже три месяца ничего не было, но так ведь тоже нельзя.

Её парень не звонил ей в тот день, и на следующий тоже не позвонил. Лишь на третий день трубка робко зазвенела, и смущённый голос, который она едва узнала, начал лепетать какой-то невразумительный бред, снова умоляя её отказаться от танцев. Что это, что случилось? Куда делось её благоговение, где её нежность и страсть? Она уже позволяет себе почти насмехаться над ним и говорить эти колкости... Не морщись так, дружок, а то прямо отсюда вижу твою озадаченную физиономию. Я не буду больше прыгать и вилять хвостиком, как маленькая собачка. Да, ты был всем, ты заменял собою солнце когда-то, но сейчас твой свет погас, твои лучи больше не греют, а мне ведь так хочется тепла. Я рассказала тебе про очередного придурка, который ко мне клеился, и даже не исключила варианта, что сходила бы с ним куда-то, а ты это проглотил, как горькую пилюлю. Я напредила тебе, как ты нелепо и жалко выглядишь в тех шмотках, что тебе покупает твоя мама. О, вот оно, голос изменился. Не понравилось, хе-хе. Не всё тебе слушать дифирамбы, милый мой! Да, ты не самостоятельный, ты меня правильно понял. Вспомни хотя бы те дни, когда мы жили вдвоём в одной квартире, как муж и жена, ты же не мог делать даже элементарных вещей по хозяйству. Ну и что, то ты сейчас живёшь один? Почти уверена, что в твоей комнате сейчас такой же бардак,

как тогда. Тебе бы взять себе в жёны кухарку или уборщицу, на кой чёрт я тебе сдалась? Дыши глубже, зайчик мой, пытка только началась. Терпи, терпи. Не хочешь ли ты сказать, что сдуешься сразу же после таких невинных подколов? Кстати, у меня сегодня встреча с одним знакомым. Какая разница с каким? Хороший мальчик, пригласил меня в кино. Давно хотела сходить на тот фильм. Ты ведь не против, надеюсь? Это ведь просто кино, что тут такого? А, вот и он звонит, ну всё, пора бежать, не скучай!

Ты снова звонишь мне, вчера обрывал весь телефон, когда я якобы ушла с каким-то парнем в кино. Мне даже жалко тебя, это не очень справедливо с моей стороны – врать тебе и не брать трубку весь вечер. Хотя, если задуматься, то ситуация, что я пошла бы с кем-то в кино, более чем возможна – достаточно выйти в интернет, и тут же выстроится длиннющая очередь из красавчиков. Так что если это и было враньё, то с высокой долей истины. Тебе интересно узнать подробности моего вчерашнего похода с неким Н.? Да к чему они, зачем я буду портить тебе нервы? Ну подарил он мне цветы, ну попытался поцеловать пару раз, но я ему не позволила. Сказал мне, что на руках носить будет, звезду с неба достанет – в общем, нёс какую-то невообразимую пошлость. С другой стороны, у него дорогая машина, он менеджер в филиале крупной московской компании... Что? Да, он старше тебя на пять лет. Такой уж точно сможет обеспечить девушку, если захочет. Зачем я тебе всё это рассказываю, – тебе же, наверное,

неприятно? Я лучше не буду продолжать, а то ты меня ещё, чего доброго, начнёшь ревновать. Не начнёшь? И правильно, ревность – это признак слабости и неуверенности в себе. С другой стороны, парень, который не ревнует свою девушку, может и вовсе её не любить. Ты ведь меня любишь? И снова молчание в трубке. Неужели мы терпим с тобой всё это только для того, чтобы вот так вот угрюмо молчать в телефон?

Трубка дребезжит в знак твоего приближения. Как мне надоела наша с тобой фотка на экране, когда ты звонишь! Это же просто кошмарная скука – держаться за все эти символы, как за соломинку. У меня по всей квартире твои подарки, я о них едва ли не спотыкаюсь. Всё это для тебя ужасно важно. Для меня? Не знаю. Раньше каждая вещь вызвала воспоминания о хорошо проведённом времени, а теперь этого почему-то нет, я не знаю почему. Теперь это просто вещи. Может, я тебя разлюбила? Нет, я, конечно, тебе этого не скажу. Во-первых, это глупо, а во-вторых, я и сама не знаю. Мне совсем не интересно, что там у тебя происходит по учёбе, поверь на слово. Вот у меня радость. Я за последнюю неделю похудела на два с половиной килограмма. Вообще, как ты знаешь, я ужасно толстая, и не пытайся убедить меня в обратном. Ты бы видел, как мужики волочатся за нашей новенькой из группы, Леной, а ведь она просто селёдка! У неё вместо груди – два прыща на доске, попа размером с мой кулачок, но от парней отбою нет. Где справед-

ливость? Да ты мне уже раз пятьсот рассказывал эти байки, что мужчинам нравятся пышные девушки с большой грудью и выпуклым задом. Это всё чушь. Современным мужчинам нравятся скелетоподобные модели с ногами от ушей, иначе они не были бы так популярны. Времена Мэрилин Монро, когда ценился мой тип фигуры, давно прошли. Меня даже преподы в универе зовут «девушка из 60-х», представляешь? Я отстаю от моды на пятьдесят лет! Поэтому буду худеть. Сяду на жёсткую диету и буду сбрасывать по три кило в неделю. Жалко, конечно, что грудь и попа пропадут, но красота требует жертв. Ну что ты так разбушевался, найдёшь себе толстушку и будешь кормить её плюшками с утра до вечера, а я хочу быть стройной!

О, ты снова позвонил! Выносливость, достойная восхищения. Ты знаешь, я сегодня гуляла по городу, и была такая классная погода, и люди шли мне навстречу и улыбались, и вообще всё было замечательно. Я впервые поняла, как сильно я люблю свой город. Может быть, я бы даже осталась тут навсегда. К чему мне шум мегаполиса? Там так грязно и уныло, и воздух плохой, люди вечно куда-то бегут, торопятся... Всё, как в большом муравейнике. Как ты там вообще живёшь?! На народ посмотришь – черным-черно, русских-то практически не осталось, одни мигранты. Постоянная борьба за выживание, цены на еду и жильё конские, бешеные расстояния – это ж надо себе представить, тратить до трёх часов каждый день на дорогу от дома до работы и об-

ратно, вечно стоять в этих пробках и очередях! И в этот ад ты хочешь меня забрать? Не говори так про наш город, он намного лучше того чудовища, где ты теперь учишься. Здесь всё так спокойно и размеренно, никто не летит стремглав, здесь просто душой отдыхаешь... Кстати, у меня всё ещё есть шанс перевестись с бакалавриата на специалитет. Я знаю, тебе бы этого очень не хотелось – ещё целый год провести в разлуке... Но мне ведь тоже надо думать о будущем. Кто такой бакалавр у нас в стране? Это недоучившийся специалист. Ты уже устроился там более или менее, а мне ещё нужно будет где-то искать средства на жильё – ты прекрасно знаешь моё отношение к общежитиям. А ещё эти вступительные экзамены в магистратуру... Я просмотрела кучу сайтов вузов – там практически везде нужно сдавать английский язык. Помнишь, как ты смеялся, когда я пыталась поговорить с тобой по-английски? Ты вообще всегда смеёшься надо мной, когда у меня что-то не получается, не оправдываясь. Твой эгоизм никогда не позволит тебе понять, что нет людей плохих и хороших, а есть люди, идущие разными путями. Я, наверное, что-то не то говорю... Ты совсем перестал ласково называть меня, говорить мне нежные слова и признаваться в любви. У тебя такой холодный и злой голос теперь, что я почти не узнаю его. Что происходит, милый?

Привет-привет, я думала, ты и не позвонишь мне сегодня. Ты знаешь, что у меня завтра кастинг в «Инферно»? Надеюсь, меня возьмут, и у меня, наконец-то, появится нормаль-

ная работа. Нет уж, милый, извращение – это пахать, как папа Карло, на эту гримзу с несчастной судьбой за жалкие гроши и просить тебя время от времени прислать денег на еду. А танцы – это искусство плюс нормальный заработок. Да кто тебе сказал, что туда ходят одни проститутки? Я знаю многих девочек, которые этим занимаются. Ни о какой проституции там и речи не идёт! Они всем довольны, и их парни, кстати говоря, тоже. На те деньги, что девочки зарабатывают, они содержат не только себя, но и своих родителей и даже парней. Так что никакой это не бордель, это приличное место, туда ходит отдыхать обеспеченная публика, а всякое там было туда не пускают. Ты будешь ставить мне ультиматумы? Сначала предложи что-нибудь взамен, а потом уже и запрещай мне. Кто ты вообще такой, чтобы мне что-либо запрещать? Ты мне не муж и не отец, я свободная девушка, могу делать всё, что захочу! Господи, ты только угрожать можешь или иногда ещё и действовать? Ну брось ты меня, скажи: «Мы расстаёмся», и всё, и не придётся Его Величеству терпеть унижения чести и достоинства. Я уже не так боюсь тебя потерять, как раньше. Да что ты там мямлишь? Ты мужик или нет? Бросил трубку...

В день перед кастингом Маша на парах просто светилась. Такой свободной она себя не чувствовала ещё никогда. Скоро это недоразумение между ней и её парнем станет историей, и она начнёт жить по-новому. Будет свобода, будут деньги, будут улётные дни, будут руки и губы американца... Она

Как, как, КАК??!

Они вместе? Как такое вообще возможно?

– Привет, Монроша, – прорвался сквозь густую пелену голос Ксюши. – Ты чего тут стоишь? Прячешься от кого-то?

– А Лена с Антоном что, встречаются? – словно в бреду спросила Маша. Осипший голос казался до неузнаваемости чужим.

– Да, уже месяц. Она ради Антона рассталась со своим предыдущим парнем, с которым они были вместе аж три года. Тот ей сделал предложение, дорожное кольцо с бриллиантом подарил, а она его вернула и сказала: «Я люблю другого». Представляешь?

– Очень хорошо представляю...

– Я думала, ты знаешь эту историю. Её ведь все знают. Ты куда?

– Домой, мне надо срочно домой.

Старенький автобус подъехал к остановке и со скрипом распахнул двери. Покачиваясь словно зомби, девушка вошла и даже не стала отказываться, когда какой-то мужик предложил ей сесть рядом. Он что-то сказал с улыбкой, беззастенчиво пялясь на её грудь, но Маша не слышала и не видела ничего вокруг, она была раздавлена.

Месяц. Эта плоская шлюха обскакала её на целый месяц. Всё было зря – надежды, мечты, вера в себя и в новую жизнь. Она сама, своими руками разрушила то, что в один миг не создашь, и ради чего? Ради химеры, которая раство-

рилась так же быстро, как и возникла. Что теперь делать, она не представляла.

IV

Пустая квартира встретила её одиночеством и тишиной. Так чисто, всё на своих местах, просто мерзость. Диван, пустой диван как символ несбывшихся надежд, не смотри на меня с такой укоризной. Что я должна была делать? Броситься на Лену с ножом, прирезать её с криками: «Ты забрала то, что принадлежит мне?» Господи, да я общалась с Антоном лишь раз в кафе, и он ни разу не дал мне повода подумать, что он хочет чего-то большего, чем просто общение. НИ РАЗУ. Что это взбрело тебе в голову, ты, дурында? Недотраханая сука, вот ты кто. Стерва, измученная ПМС. Твои тараканы проели тебе мозг настолько, что ты утратила способность адекватно мыслить! Неужели ты думала, что всё так просто, что если перед тобой стелются все эти мужики, то ты гарантированно получишь именно того, которого сама и выберешь? А в сказки про белого бычка и письма счастья ты тоже веришь?

Маша бухнулась на диван и расплакалась. Редкие всхлипывания потихоньку переросли в настоящую истерику, девушка скатилась на пол, больно ударившись, и громко кричала, вцепившись зубами в подушку, чтобы соседи не услышали и не вызвали полицию. Горячие солёные слёзы залили, наверное, весь пол, и Маша, колошматя всё, что попадалось под руки, набила себе на ногах и локтях немало синя-

ков. Кое-как успокоившись через полчаса, Маша взглянула в зеркало и ужаснулась. Сногсшибательный макияж, на который она убила утром целый час, чтоб сразить Антона, превратился в какое-то месиво.

– В таком виде только на кастинг идти, – пробормотала она и принялась приводить в порядок себя и квартиру. Когда по раскрасневшемуся лицу уже нельзя было понять, что Маша горько плакала, в дверь позвонили. Это было странно, потому что девчонок можно было не ждать до завтрашнего вечера. Девушка отворила дверь – и раскрыла рот от удивления. На пороге стоял высокий красивый и слегка небритый мужчина с ясными голубыми глазами, в хорошем костюме-двойке и блестящих кожаных туфлях. В правой руке у него была тёмная сумка, а в левой – букет цветов. Это был её отец.

– Привет, доча, – смущённо улыбнулся он и протянул девушке маленький, но милый букетик. – Можно войти?

– Что ты тут делаешь? – пробормотала Маша, после долгого раздумья пропуская отца в квартиру.

– Папка нашёл себе новую работу в городе, теперь будет к тебе периодически, наездами...

– Ты же говорил, что ни за что и никогда не согласишься больше гнуть на кого-то спину, – сказала девушка, с подозрением разглядывая новенькие отцовские туфли.

– Так и есть, я от своих слов не отказываюсь. Мне дали руководящую должность.

– Что, прям вот так сразу, руководящую?

– Да. Старые знакомства, связи... Долгая история, доча, – проговорил отец, разулся и прошёл на кухню.

– Чаю?

– Да, не откажусь.

– Сейчас, – кивнула Маша и начала шарить по полкам в поисках заварки. – А что это ты так вырядился? Прямо на человека стал похож, даже не узнать...

– Я уже два месяца не пил. Вот как дал себе зарок, мол, теперь точно бросаю, так и капли в рот не брал. Решил новую жизнь начать. Вот и костюм себе новый купил. Нравится?

– Нравится, – буркнула дочь, доставая коробку с чаем. – Деньги-то где на шмотки достал?

– Ты прямо как на допросе. Зарплату мне дали авансом. Вот и купил. Что, может такое быть?

– Где-нибудь в параллельной вселенной – может.

– Опять ты мне не веришь. Вот и мать твоя тоже мне не поверила, когда я ей сказал. А я правда не пил уже два месяца. Даже два с половиной! И работа у меня есть.

– И что мне теперь, прыгать от счастья? Последний раз, когда ты мне чем-то помог, был в одиннадцатом классе, когда ты научил меня вальс танцевать, а потом дал денег на ресторан. А я уже практически универ заканчиваю!

– Да, я признаю, я был виноват, – отец вперился в Машу своими небесными глазами, которым нельзя было не верить. – Я был полным эгоистом, не вспоминал о тебе, но ты

пойми, это всё водка, это всё она, проклятая. Я бросил, правда. Уже два месяца не пил. С половиной.

– Да поняла я уже, что ты заладил?

Маша вдруг поймала себя на мысли, что уже бесцельно нарезает пятый круг по своей маленькой кухоньке с чашкой в руках, не зная, куда себя деть.

– Да что ты всё мечешься? Злишься на меня, не веришь? – покачал головой отец. – Да говорю же тебе, это всё в прошлом, с пьянством покончено. Ну хочешь, я на колени перед тобой встану, чтоб ты поверила? – и отец, не дожидаясь ответа, бухнулся перед Машей на пол, так резко, что та едва не выронила чашку. – Прости меня, доча! Христа ради, прости!

– Пап, ну что за цирк, ну встань, – поморщилась она. Хорошо ещё, что девчонок нет дома, и никто не видит этого позорища.

– Не встану, пока ты меня не простишь, и не проси! – и отец мелкими шажками засеменял за дочерью. – Ползать буду по полу, лишь бы простила. Обещаю тебе, богом клянусь! Больше ни капли водки.

– Ну хорошо, хорошо, прощаю! Прекрати свои брюки пачкать, мы пол не мыли с прошлого четверга.

Отец молча поднялся, отряхнулся и присел на табуретку, где сидел до этого.

– Теперь всё будет по-другому, – потряс он перед лицом дочери грубым мозолистым пальцем, какие бывают у тех, кто

много занимается физическим трудом. – Теперь я им всем покажу, чтоб знали...

– Кому покажешь?

– Тем, кто в меня не верил. Тебе покажу, матери твоей покажу, Аркадию с Семёнычем покажу!

– Как будто кому-то интересно мнение этих забулдыг... – пробормотала под нос Маша, засыпая заварку в чайник.

– Эх, дочь, как мы теперь заживём! У папки теперь всегда на кусок хлеба с маслом будет. И тебе не надо будет работать. Совсем. Учись не хочу!

Маше очень захотелось сказать отцу, что деньги у неё кончились на прошлой неделе, и сейчас она живёт на то, что ей прислал её парень, но девушка сдержалась. С трудом, но сдержалась.

– Опять не веришь, по глазам вижу. Прямо как твоя мать, смотришь, косишься. А вон чего, видела? – отец сунул руку в карман и достал оттуда... толстую пачку тысячерублёвых купюр. У Маши чуть глаз не выпал, когда она поняла, что деньги настоящие.

– Т-ты где это взял? Какой банк ты ограбил? – заикаясь, спросила она.

– Ну ты чё, доч, папку обижаешь? Я же прощения попросил как-никак. Ну какой там ограбил?! Говорю ж, аванс папке дали! Начальником устроился!

– Пап, с такой паузой в работе, как у тебя, в кресло начальника садятся только в сказках!

– А я говорю – заработал! И работать буду! – вдруг заорал отец, так что Маше показалось, он её сейчас стукнет. Рука-то у него тяжёлая. Хотя он её ни разу и не бил, но много раз показывал, как с лёгкостью гнёт всякие толстые железяки.

На какой-то миг на кухне повисла тишина.

– Вот тебе, на, держи. На квартиру, – отсчитав половину бумажек, отец сунул их дочери в ладони. – Посчитай.

– Зачем?

– Посчитай, кому говорят!

И Маша, привыкшая перебирать бумаги, быстро насчитала в отцовском подарке сорок тысяч рублей. Сорок.

– Что, не рада? – с обидой спросил отец, буравя дочь небесными буркалами.

– Я даже... У меня просто нет слов, – тяжело выдохнула Маша. – Спасибо, папа.

– Ну, ну, ну, не стоит благодарности, – заулыбался отец. Улыбка у него была замечательная. Даже несколько железных коронок на зубах не могли её испортить. – Иди ко мне.

Отец поднялся, протянул дочери руки, и Маша впервые за несколько лет обняла его. И даже не потому что он попросил, а потому что в тот миг ей самой этого больше всего захотелось.

– Соскучилась? А уж папка как соскучился, – проговорил с улыбкой отец. – Ну, где там твой чай?

– Чай? А, да, сейчас, сейчас... – И Маша принялась наливать в чайник воду из-под крана, походу расплёскивая поло-

вину.

— А что это у вас, дочь, с краном? Течёт весь, ни налить, ни вылить...

— Он уже давно сломался, а починить всё руки не доходят.

— Так что ж ты молчала, папка щас живо всё починит! Не зря ж мужик в доме! — и отец, потирая грубые руки, полез к крану и начал с ним возиться. — У вас смеситель полетел, надо менять. Да и с трубами беда. Знаешь, а пойдём с тобой на ярмарку, там и запчасти, и инструмент возьмём, и поесть чего, а то у вас тут совсем шаром покати, как я погляжу...

Маша не знала, то сказать. Она совсем не узнавала в этом человеке отца. Бывает ли так, что человек в один прекрасный день изменяется до неузнаваемости?

— Ну пойдём...

Следующие два часа были, наверное, самыми счастливыми за весь семестр. Они с отцом носились с тележкой для продуктов между торговыми рядами, хватая всё, что попадалось под руку. Хочешь красной икры, доч? Папка угощает! А может, и шампанского тяпнем по капельке? Ах да, папка же бросил. А это что ещё за вкуснятина? Никогда такую не пробовал! По глазам вижу, ты тоже хочешь...

Отец сорил деньгами, словно это была нарезанная бумага, всё балагурил, вспоминал какие-то дурацкие случаи, что бывали с ним в школе и в универе, и это было настолько умиротворительно, что у Маши голова шла кругом от смеха. Отец, папа, папочка, которого её так бесцеремонно лишили много лет

назад, вдруг вернулся. Вот он, рядом катит тележку, такой красивый, с благородной осанкой и руками труженика и настоящего мужчины. Он любит её, любит со всей отцовской нежностью, и от этого так тепло, так уютно. Она не знает, что будет завтра, но по-любому всё будет отлично, потому что он здесь, он не даст случиться плохому. Он самый классный.

Из здания ярмарки они вышли с двумя здоровенными пакетами с едой, из кармана пиджака отца торчал новенький смеситель и несколько гаечных ключей.

– Ну что, дочка, пойдём, папка тебе кран починит, и будем праздновать.

– Что праздновать?

– Как что, мы с тобой сколько уже не виделись, у-у-у! Встречу надо обмы.. то есть отметить.

Посмеявшись, Маша взглянула на часы, и улыбка быстро сползла с её лица.

– Пап, мне уже полчаса как на работу надо. Я обещала начальнице, что минимум на два часа сегодня приду, – сказала она, умолчав, что после работы собиралась отправиться на кастинг в стриптиз-бар. Сейчас, когда у неё в кармане лежали заветные сорок тысяч, идея идти туда показалась ей, мягко говоря, дикой. Но Наталье Николаевне отказать она не могла.

– Бросай ты эту работу, Маша, папка тебе до конца университета жизнь обеспечит! – улыбался широко отец, сверкая железными коронками.

– Пап, не могу же я вот так просто взять и не прийти. Надо как минимум написать заявление об уходе и отпахать до конца месяца.

– Э-э, – протянул отец разочарованно.

– Вот тебе ключи, – Маша сунула отцу ключ от квартиры в нагрудный карман пиджака. – Иди пока кран чинить, а я отработаю и приду, – и девушка чмокнула его в шершавую щёку.

Всю дорогу до работы и всё проведённое в офисе время Машу не покидало странное чувство, что всё это происходит не с ней, а с каким-то другим человеком. Столько эмоций всего за один день, сначала с Антоном, а теперь вот, с отцом. Все два обговоренные с начальницей часа она работала как попало. Документы валялись из рук, ничего не ладилось, и целых два раза она пропустила мимо ушей то, что говорили обрывававшие телефон клиенты.

– Мария, что с вами такое происходит сегодня? – напустилась на неё Наталья Николаевна, когда Маша не смогла ничего сказать по существу о проделанной работе. – Вы ведёте себя странно.

– Я... просто, – побормотала Маша. Ей хотелось сказать нечто вроде: «Из моей жизни ушёл один мужчина и появился другой», но начальница начала её передразнивать.

– Просто, просто. Что вы там мямлите, словно язык проглотили? Я уже сыта по горло вашим тунеядством. Вы думаете, что можете просто приходить сюда и ничего не делать?

Просто так сидеть в соцсетях с рабочего компьютера, пить кофе и получать за это зарплату? Хочу отметить, что ваши успехи на рабочем месте за последний месяц были крайне неудовлетворительны. Поэтому зарубите себе на носу...

– Знаете что, Наталья Николаевна? Я ухожу от вас, – вдруг вырвалось у Маши. – Мне надоели эти ваши надуманные претензии к моей работе, ваш надменный тон и вечно дурное настроение. Не следует срывать досаду из-за неустроенной личной жизни на своих подчинённых, это некрасиво.

– Ч-что?

Маша очень пожалела, что у неё нет фотоаппарата, и она не может запечатлеть то, как перекосило лицо начальницы.

– Я прямо сейчас напишу заявление об уходе, доработаю положенные две недели и уйду, и больше вы меня не увидите. Ищите себе другую дурочку за те копейки, что вы мне тут платили.

И, не дожидаясь ответа, Маша развернулась и вышла, не став, впрочем, хлопать дверью.

Когда она шла домой, уже смеркалось, небо переливалось лиловым и кроваво-красным. Где-то за крышами домов и деревьями садилось солнце, и девушка видела лишь последние лучи зари. Она думала об отце.

Минуты три Маша стояла у двери подъезда и пыталась дозвониться по домофону до отца, который должен был ждать её в квартире, но никто не отвечал, и это было странно. То, что домофон сломался, было исключено, так как шли гудки –

скорее всего, он просто уснул или вышел на балкон. Магнитный ключ от двери Маша тоже отдала отцу, поэтому пришлось звонить соседям и просить, чтобы открыли. Поднявшись к себе на этаж, она обомлела: дверь была открыта нараспашку. Не думая ни о чём, она ворвалась внутрь и осмотрела все комнаты. В квартире никого не было, ценные вещи были нетронуты, сумка отца так и лежала, где он её оставил, и лишь водопроводный кран на кухне был открыт, так что вода бежала во всю силу. Маша попробовала закрыть его, но поток не прекращался, пришлось лезть под раковину и перекрывать вентиль там. Что за ерунда? Достав из сумки мобильник, Маша начала названивать отцу, но его номер был заблокирован, – видимо, он даже со своей новой зарплатой не удосужился заплатить за связь. Ситуация нравилась Маше всё меньше и меньше – и совсем перестала её устраивать, когда она нашла ключи от квартиры валяющимися на полу в ванной.

Оставив сумку и деньги дома, Маша заперла дверь и вышла на улицу. Солнце уже село, и двор погрузился в сумерки. Кроме нескольких старух на лавочках и носящихся рядом под их присмотром трёх мальчишек поблизости никого не было.

– Скажите, а вы не видели тут такого высокого мужчину в костюме с большими пакетами? – обратилась она к женщинам.

– Как же, был тут такой, – кивнула одна. – С Кузьмичом

вошли в подъезд, а потом вместе же вышли и отправились куда-то туда.

Старушка махнула сухонькой рукой в сторону дворов.

– Кто такой Кузьмич? – насторожилась Маша.

– Местный алкоголик.

Зашибись, просто прекрасно. Маша побежала туда, куда указала бабуля. Она плохо знала собственный район – за тот год, что она снимала здесь квартиру, у неё никогда не возникало желания ознакомиться с ним поближе. Единственное, что она знала точно, так это то, что там, куда она бежит, нет больших освещенных улиц, а есть лишь одинаковые штампованные девятиэтажки и дворы, как две капли похожие один на другой.

– Папа! Ты где? – крикнула она.

– Я здесь! Иди ко мне, буду твоим папочкой! – раздался с затемнённой лавочки мерзкий пацанячий голос, сопровождаемый звериным смехом. Маша ничего не ответила и постаралась как можно быстрее скрыться за поворотом. Только на игривых гопников наткнуться ей сегодня и не хватало.

Дворы, дворы, дворы. Унылые, заброшенные, пустынные. То тут, то там торчат из земли какие-то железки ещё времён советской власти, лишь отдалённо напоминающие детские горки или качели. Несколько раз мелькают деревянные фигуры персонажей мультиков, покореженные чьими-то берцами и обезображенные шпаной, исписанные маркерами и замазкой, опалённые зажигалками. В сумерках улыбки всех

этих Карлсонов, старух Шапокляк и Чебурашек кажутся зло-вещими.

На одной из таких детских площадок в песочнице без песка Маша увидела человека. Он сидел, сильно сторбившись, и неотрывно глядел в точку перед собой. Её отец.

– Папа! Что случилось? Почему ты тут сидишь? – Маша подбежала к отцу и едва не лишилась чувств от сильнейшего запаха перегара, ударившего ей в нос. Костюм его был изрядно потрёпан и в чём-то испачкан, на рубашке не хватало нескольких пуговиц. От носа ко рту змеилась тонкая струйка запекшийся крови.

– Папа! Ты что, пьян? Ты же сказал мне, что бросил пить! Ты же на коленях стоял, божился!

Отец медленно повернул к ней поникшую голову и посмотрел очень тяжело и пронзительно. В опустевших глазах стояли слёзы.

– Я не п-пьян, дочка, – с трудом проговорил он, и Маша сразу узнала того отца, к которому давным-давно привыкла.

– Что с тобой случилось? Тебя будто по земле битый час таскали!

– Эт-то всё Кузьмич. Пас-скуда, – пробормотал отец каким-то особым философским тоном, который может быть только у убеждённых пьяниц. Маша вдруг поняла, что вот-вот исцарапает себе ладони до крови собственными же ногтями.

– Вставай. Быстро вставай, пока я тебя не зарыла в этой

грёбаной песочнице!

– Я не могу.

– Что ты не можешь?

– Не могу встать. Я шёл от Кузьмича и понял, что не дойду. Лучше спокойненько тут на песочке посидеть, чем где-нибудь под забором лежать, я правильно говорю?

– Так, а ну вставай, я сказала, – Маша налетела на отца, точно гарпия, и впилась ногтями ему в пиджак. Отец был очень тяжелый, и она едва не надорвалась, пока смогла поставить его на ноги. Воняло от него так, что у неё заслезились глаза.

– Кто это вообще такой? Как ты с ним связался?

– Как кто? Это же мой одноклассник. Мы с ним в пятом классе за одной партой сидели! – бормотал отец, еле-еле ворочая языком. Маша взвалила его левую руку себе на плечо, – та была тяжёлая, как шпала, – и медленно-медленно, шаг за шагом, повела отца в сторону дома. Только бы сейчас не заблудиться в этих высотках и не напороться на ту шантрапу...

– Какого хрена ты начал с ним пить?! – кряхтела она. Какой же её отец всё-таки кабан. Килограммов сто точно будет. Каждый шаг давался с большим трудом. По несвязному пьяному бреду отца она поняла, что Кузьмич перехватил отца на подходе к её дому, они разговорились, вошли в квартиру, где сначала вместе безрезультатно пытались починить кран, а потом бросили это занятие и распили бутылку вод-

ки, что была у Кузьмича с собой. Якобы в честь его дня рождения. Водка быстро кончилась, тогда отец предложил сходить в магазин и купить ещё, тем более, что закуска у них уже была. Со всей закупленной с Машей снедью они затапились водкой в ближайшем ларьке и пошли к Кузьмичу домой. Что было дальше, отец не помнил, помнил только, как они с бывшим одноклассником сильно подрались, и тот бросился в него его же продуктами, и все пятна на костюме – это жир и масло от салатов.

На то, чтобы протащить отца до дома через пять дворов, у Маши ушёл почти час. Ноги у него были ватные, да и сам он, похоже, не очень горел желанием куда-то там идти, то и дело пытаясь завалиться на асфальт и уснуть. Всю дорогу Маша отчаянно материлась, изобретая всё новые лексические конструкции из пяти-шести наиболее употребимых слов, и только это помогло ей не опустить руки и не бросить отца посреди дороги. В одном из дворов им повстречалась компания тоже изрядно подвыпившей молодёжи, которая долго ржала и свистела им вслед, но никому и в голову не пришло помочь. Маша засунула весь свой гнев как можно глубже и старалась не обращать внимания. Времена рыцарей давно прошли, тут не посмотрят на то, то ты девушка – огребёшь так, что мало не покажется.

Самым сложным было втащить отца на пятый этаж. Он упрямо не хотел подниматься по лестнице, несколько раз сиделся прямо на ступеньки, а один раз даже выскользнул из её

рук и скатился вниз по ступенькам. Обычный человек после такого падения не собрал бы костей, но пьяному отцу это показалось даже забавным.

– Эх, как я здорово у... лся! – хихикнул он, стоило Маше поднять его на ноги. Когда последний этаж был преодолён, девушке всё же пришлось посадить отца на пол, чтобы достать ключи и открыть дверь. Пока она возилась с ключами в темноте – лампочка, естественно, не работала – тот уже успел уснуть. В итоге Маша, проклиная всё на свете, втащила отца в квартиру, стянула с него заляпанный костюм и уложила на свой диван, покрыв его пред этим чистой простыней и поставив рядом тазик и бутылку с водой. Тот тут же раскрыл рот и громко-громко захрапел.

У Маши уже не было сил ни злиться, ни плакать. Полчаса она провела в душе, соскабливая с себя под струями чуть тёплой воды грязь, пот и запах перегара, которым она пропиталась насквозь, а потом позвонила маме и рассказала ей всё.

– Я не знаю, откуда у него столько денег. Думала, может, ограбил кого, а он говорит, зарплату авансом выдали. Кто тебе сегодня звонил? Какой кредит? ТЫ СЕБЁЗНО? Ему, с его историей, дали кредит??! Думаешь, там её просто не проверили? Да откуда я знаю? Блин, мам, он что, совсем с ума сошёл? Как он собирается его отдавать? Даже не так – как МЫ собираемся его отдавать??! Ну нет, только не говори, что опять придётся продавать всю бытовую технику, мы это уже проходили... Нет, он не всё спустил, он перед тем, как

напиться, дал мне сорок тысяч. У него с собой ещё примерно столько же было, но тысяч пять мы на продукты и инструменты потратили, плюс он водкой закупался с этим, как его... с Кузьмичом. Мам, да не знаю я, где деньги! У него с собой вообще ничего не было, когда я его нашла – ни денег ни инструментов, ни продуктов! Да что там, у него даже мобильного с собой не было. Откуда я знаю, где. Ограбили, скорее всего. Мам, он ведь мне на коленях клялся, что не будет больше пить. Ты слышишь меня, НА КОЛЕНЯХ! Как это «ну и что», для тебя это вообще ничего не значит? Ах, это у вас уже вошло в привычку, ну-ну. Мам, за что мне это, а? Что я такого натворила, что на меня всё это валится одно за другим? Я не плачу, мама, не плачу. Я уже не могу плакать сегодня, отплакалась... Да не важно, был там один козёл... Ерунда это всё. Всё ерунда. Я тебя тоже люблю, мама. Спокойной ночи...

Маша переделалась в ночнушку и легла на кровать Светы. Из-за храпа отца очень долго не могла уснуть, но усталость взяла своё, и Маша провалилась в тёмную пучину беспокойных снов.

Рано утром её разбудил тяжёлый стон отца. Натянув джинсы и толстовку, она вышла к нему, и увидела, как отец яростно хлещет минералку из пластиковой бутылки.

– Проснулся?

– Что вчера было? – резко спросил он. Из небесно-голубых глаза его стали красными.

– А ты совсем ничего не помнишь?

– Отвечай, когда я тебя спрашиваю, а не задавай глупых вопросов!

– Ты ползал на коленях и божился, что больше не будешь пить, говорил, что тебя сделали начальником, и теперь я не буду ни в чём нуждаться.

– У тебя такой тон, будто ты меня в чём-то обвиняешь, – отец смерил её тяжёлым взглядом.

– Обвиняю? Да я тебя ненавижу, папочка! Понимаешь? Не-на-ви-жу! Ладно бы ты просто нажрался, как свинья, у себя там, в деревне, я б и бровью не повела, так нет же! Ты сделал всё с выдумкой, с фантазией, ты же у нас творческая натура! В город приехал, кредит как-то достал, наобещал мне в три короба, заставил меня в тебя поверить, что самое страшное...

– Так, а ну заткнись, ты, потаскуха! – крикнул он и швырнул в неё пустой пластиковой бутылкой, но Маша легко увернулась.

– Да, я та ещё потаскуха! Вчера целый час твою вонючую пьяную тушу по дворам таскала, чтобы ты в чистоте и теплехе, а не на улице в песочнице! Сказал бы спасибо!

– Пошла вообще на хер отсюда, чтоб глаза мои тебя не видели! – заорал он во всё горло.

– Что? Это я должна уходить? – задохнулась Маша – Это моя квартира вообще-то, это ты должен уйти!

– Ты, проститутка малолетняя, ещё мне будешь указы-

вать, что мне делать! Где мой ремень? – и отец, будучи в одних семейных трусах и майке, стал озираться в поисках брюк. Маша мигом сообразила, что ещё чуть-чуть – и будет совсем плохо, схватила с тумбочки ключи и телефон и метнулась в прихожую. Отец поймал было её за локоть, но Маша вырвалась. Ставив с полки кроссовки, Маша выбежала в подъезд, как можно быстрее захлопнула дверь и дрожащей рукой начала совать ключ в замочную скважину. Тот всё никак не хотел попадать, и только когда с той стороны двери раздался сильный удар кулаком о железо, ей удалось, наконец, попасть и запереть дверь на два оборота.

– Э, доча, ты чего? Я же пошутил насчёт ремня! Открой дверь! Давай поговорим нормально!

Маша не нашла в себе сил сказать что бы то ни было, её всю трясло от страха. Так в своей жизни она не боялась ещё никогда.

– Открой дверь! Я тут всю квартиру нахрен расшибу, если не откроешь!

Это подействовало на Машу как удар тока.

– Только попробуй! Я тебя в полицию сдам! – крикнула она дрожащим голосом.

– Ах ты сука неблагодарная! Я ж тебя растил, я тебе вот этими руками в детстве укачивал! Да будь ты проклята! Слышишь? Проклинаю тебя!

– Пошёл ты со своими проклятиями куда подальше, – проговорила тихо Маша, быстро обулась и вышла во двор. Вслед

ей неслись отнюдь не пожелания счастья и любви. Что делать дальше, она не представляла. Решение пришло минут через десять.

– Ксю! – сказала Маша в трубку, автоматически набрав знакомый номер. – Мне срочно нужна твоя помощь, у меня большие проблемы.

– Приезжай, – ответила трубка.

V

Была суббота, на город опускался вечер. Поезд пока не успел наполниться людьми, до отправления оставалось ещё минут пятнадцать. Маша с большой сумкой через плечо вошла и села у окна в самом конце вагона. Позади был чертовски тяжёлый день.

Ксюша, её милая Ксю, в которой она так глупо сомневалась, спасла её. Они вместе обсудили всё, что случилось, так что Маша смогла перевести дух и оправиться от шока, после чего девчонки вместе с папой Ксюши, подполковником полиции, отправились к Маше домой. Отец сдержал обещание – в квартире всё было перевернуто вверх дном, когда они открыли дверь и вошли. Вещи вытряхнуты из шкафов, половина посуды перебита, мебель опрокинута. Хорошо хоть окна не разбил. Отец Маши сидел посреди всего этого хаоса на груде тряпья и горько плакал. Всю дорогу до дома Маша тайно надеялась, что он извинится и возьмёт свои страшные слова назад, но отец на неё даже не взглянул, он просто нацепил свой мятый костюм, взял сумку и ушёл. Папа Ксюши хотел его задержать, но девчонки его отговорили. Потом они полдня потратили на то чтобы хоть как-то привести квартиру в порядок. Что-то сделать им удалось, но до совершенства было ещё далеко, и Маша чувствовала, что по возвращении соседок у них состоится долгий серьёзный разговор. Ещё она

поговорила с мамой и рассказала ей всё. Та не удивилась, только предложила купить билет на поезд и приехать. Маша не стала возражать.

Наконец поезд тронулся, и за окном замелькали серые фьорды многоэтажек. Вот уже навстречу ей несутся вышки ЛЭП, потом их и вовсе сменяет глухая стена леса. Звонит телефон. На проводе ОН.

Это ты... Я думала, ты уже никогда не позвонишь. У меня столько всего произошло, столько надо тебе рассказать. Где я? Я... я в поезде, еду домой. Это долгая история. Кастинг? Какой кастинг? Ах, это... Я не пошла на него. Просто решила, что это не для меня. Знаешь, я должна тебе кое в чём признаться. Я тебя люблю. Больше всего на свете. У меня нет человека ближе и роднее, чем ты. Прости меня, что вела себя как последняя стерва. Нет, ты тут совершенно не причём, это всё я, моя вина. Просто я слишком устала. Устала настолько, что начала забывать самые простые вещи. Забыла о том, что действительно важно. Знаешь, милый, нас скоро могут разъединить, в этой глуши связь ловит ужасно. Расскажи мне что-нибудь, пожалуйста. Мне это правда интересно.

И ещё минут двадцать она слушает его голос. Он успокаивает, словно бальзам, что она втирает себе в виски при головной боли. Она смотрит себе в душу и понимает, что не солгала, когда сказала, что любит. А потом связь обрывается. Состав замедляет свой ход, объявляют следующую остановку. Маша сходит, поезд стоит ещё полминуты и уезжает. Де-

вушка остаётся совсем одна на платформе. Вокруг насколько хватает глаз – сосны. Очень тихо, только ветер шумит.

Её станция. Она дома.

Май-сентябрь 2013,

Берлин – Благовещенск – Москва

Агентство

Рассказ

Макс возвращался домой с очередной пьянки, когда ему пришла смска от Поли: «На президента было покушение, адок-адок!!!».

– Ну, офигеть теперь, – пробормотал он. Увы, денег на звонок подруге не было, поэтому он быстро набрал ответ: «Франца Фердинанда уже убили. Поздравляю с началом Третьей мировой!» – и отослал.

Был приятный летний московский вечер, солнце уже пару часов как село, и на небе сквозь лёгкую дымку виднелись редкие звёзды. Потыкав в экран смартфона, Макс с разочарованием убедился, что мобильный интернет снова ни черта не грузит, а это значит, он не узнает, что же именно произошло, пока не вернётся в свою однушку, которую снимал на Калужской в двух шагах от метро.

Интересно, что бы это могло быть? Бомба в машине, отравление, выстрел из толпы? Да что угодно. У президента много врагов, хоть и рейтинг зашкаливает в последнее время. Макс шлёпал кедами по почти безлюдной улице и представлял, какой переполох сейчас в Агентстве. Если уж на мирной пресс-конференции министра иностранных дел Лаврина все носятся по редакции сломя голову и орут

«Молни, срочно молни!», то сейчас вообще должно твориться нечто невообразимое. Не Агентство, а Хогвартс какой-то. Особенно жалко ему было дежурного по внешнему мониторингу, так как именно ему предстояло сегодня закрывать эту новость. От того, насколько оперативно он это сделает, зависело, опередят их сегодня конкуренты или нет. После каждого подробного мегасрочника дежурный находил у себя на голове пару седых волос.

Пройдя мимо палатки, где абреки торговали шаурмой, Макс нырнул в подъезд панельной многоэтажки. Взлетев в квартиру по лестнице, он первым делом бросился к ноутбуку, хотя был страшно голоден и очень устал за день. Интернет услужливо загрузил новостной терминал. Его ждало разочарование: инфа о покушении была всего лишь версией засекреченного источника, которую под кучей оговорок дали конкуренты. На самом деле над Украиной сбили малазийский самолёт с тремя сотнями пассажиров на борту, и какой-то конспиролог по большому благу ляпнул корреспонденту, мол, целили в самолёт президента, который якобы пролетал в это время над той же местностью. Причём сам гарант Конституции в этот момент находился в Бразилии на саммите БРИКС.

– Ну, щас начнётся, – пробормотал Макс, забрасывая носки в дальний угол комнаты и заваливаясь с ноутбуком на кровать прямо в рваных джинсах. И действительно, началось... В Агентство он устроился случайно. Однажды перед са-

мым выпуском из университета Макс случайно попал на ярмарку вакансий, куда никто из журналистов, кроме него, почему-то не пришёл. Пройдя пару собеседований, Макс стал корреспондентом крупнейшего новостного агентства России и бойцом невидимого фронта по совместительству. Он никогда особо не горел желанием участвовать в информационной войне, но на то она и война, чтобы не спрашивать, кто чего хочет. Впрочем, ему было наплевать. Задачей Макса стало каждый день по сотне раз окунаться в могучий поток нечистот, выливаемых на Россию, и пытаться добывать из этого потока хоть какие-то крупинцы адекватности. Макс неплохо знал английский, сносно немецкий и чуть-чуть французский, который изучал ещё в школе, потому ему было поручено мониторить западную прессу. Иногда его отправляли на пресс-конференции – «прессухи», и Макс старался выудить из потока сознания спикеров нечто, что редактор не назовёт шлаком.

Дурдом – такое впечатление создалось у Макса в момент, когда он впервые переступил порог редакции, которую все здесь именовали ньюсрумом. Огромные ряды компьютеров с уткнувшимися в мониторы людьми, снующими туда-сюда корреспондентами (корами), пронзительно зыркающими редакторами-надсмотрщиками и постоянным шумом ударяющихся о клавиши тысяч пальцев, который сливался в шест то ли морского прибоя, то ли листвы в лесу. До прихода в Агентство всё это Макс ещё мог себе вообразить, но истош-

ные крики «Молни скорей!», «Даю срочняк!» первое время вызывали у него лёгкий ступор. Впрочем, ко всему можно привыкнуть – уже спустя три дня Макс свыкся с мыслью, что он – «ватник», «колорад», «москаль», «холуй» и т. п. Разумеется, так писали только украинские сайты, и перестать обижаться на это не стоило особого труда. Европейские пропагандисты были куда интеллигентнее, у них всегда находились и изощрённые аргументы, и примеры из истории, и утончённый троллинг, противостоять чему было сложнее, так что Максу сперва было непросто избавиться от мысли, что они правы, а он сам занимается чем-то не тем. Но и это, словно насморк, быстро прошло.

Кроме самого Макса в отделе мониторинга работало ещё человек десять, и у всех был свой чёткий график, глядя на который Макс лишний раз напоминал себе, что он – всего-навсего шестерёнка гигантской машины. Руководила отделом Таня Морган, невысокая блондинка с суровым взглядом. Макс никогда не мог выдержать его дольше шести секунд, ему казалось, что он стоит перед ней абсолютно голый. Тане было под тридцать, но при общении создавалось впечатление, что она как минимум вдвое старше. Она будто на троне с царственной осанкой восседала во главе их стола за двумя огромными мониторами, расставленными под углом, как страницы большой колдовской книги. Таня всегда знала всё абсолютно про всех, и Макс понятия не имел, как у неё это получается. На двух её рабочих столах были

одновременно открыты сотни окон и программ с новостями на трёх языках, и Таня каким-то чудом умудрялась одновременно прочитывать их все, параллельно отдавая задания насчёт того, что достойно внимания Агентства, а что нет. В её спокойном уверенном голосе, которым она говорила Максиму «Пиши про ИГИЛ» или «Разберись с Асадом», крылась такая сила, что у Макса каждый раз словно перехватывало дыхание, и ему оставалось лишь судорожно кивать, чтобы показать: он всё понял. Где-то в глубине души Макс догадывался, что испытывает к Тане нечто большее, чем уважение и боязнь – это было похоже на какое-то мазохистское вожделение, какое некоторые жёны испытывают к мужьям в момент, когда те их бьют. Но от этого чувства Макс тоже предпочитал прятаться за толстым слоем брони из пофигизма.

За день Максиму удавалось написать от пяти до десяти текстов. Это были маленькие новостные заметки в несколько абзацев, причём структура их была жёсткой, как железный гвоздь. Заголовок, лид (первый абзац статьи, цель которого – захватить внимание читателя), источник, цитата, контекст, подробности, бэк (фон, на котором происходят события). Только в таком порядке, никак иначе, за отход от канона – расстрел на месте. Отшлифованные до блеска кусочки информации один за другим вырывались из-под пальцев десятков людей за компьютерами и попадали в новостной терминал, на который было подписано множество газет, госучреждений и других информагентств по всему миру. Каждая

третья новость из терминала переносилась на главный сайт, который прочитывали ежедневно миллионы человек. Всё написанное за день рождало определённый мир, некое фиксированное пространство, в котором можно было довольно комфортно существовать. Макс догадывался, что, пока это пространство не разорвано на части встречными потоками «чужих» новостей, существующий в России порядок незыблем.

Весь день с поздней ночи и до вечера следующего дня гул стучащих клавиш в Агентстве не умолкал ни на минуту. Уходя с работы, Макс еле передвигал ноги – ему казалось, он целый день пахал плугом поле. Он написал восемь текстов, пять про упавший Боинг и три – про очередную волну санкций Евросоюза. Переполох вокруг катастрофы только начался, а его уже тошнило от всего этого. Разумеется, многочисленные бездоказательные обвинения Запада о причастности России к катастрофе ему приходилось жёстко фильтровать, но уже то, что каждая вшивая газетёнка на английском старалась хоть как-то поддеть президента и русских, его дико раздражало. Нужно было срочно разгрузить мозг, и он отправился в свой любимый «Жан-Жак» в Китай-городе, где его ждали Прок и Поля, его друзья.

– А вот и наш бумагомаратель, – ухмыльнулся через густую бороду с закрученными кверху усами Серёга Прокопьев, или просто Прок. В руке его поблескивал бокал с красным вином. Шато Рейссон 2009, два косяря за бутылку – машинально подметил Макс.

– Я в последний раз писал на бумаге, когда подавал заявление на журфак, – хмыкнул он, садясь напротив Поли. – Почерк у меня щас, наверное, как у первоклассника.

– И это корреспондент одного из крупнейших Агентств нашей необъятной родины. Куда катится мир? – прикрыла глаза ладонью Поля, так что её густые чёрные кудри зашеве-

лились, как змеи.

– Миру определённо скоро конец, так что предлагаю за это выпить, – сказал Прок, налил вина в пустой бокал Максу, и они чокнулись. Вино оказалось кисловатым, но Макс не подал виду, так как платил за бухло не он.

– Ну, как там ваши с Боингом сегодня? – спросил Макс, бросив взгляд на Полю. Она была редактором пользовательского контента на сайте московской либеральной радиостанции.

– Не спрашивай, это какой-то адок. Мне пришлось перетянуться на работу вчера в десять вечера, когда я тебе написала, и разгребать всё это вместе с остальными, хотя это вообще даже не моя тема! Удалось поспать несколько часов на диванчике, а потом опять вкалывала до вечера. Главред меня только час назад отпустил.

– То-то я смотрю, ты похожа на труп из последней серии «Ходячих мертвецов», – съязвил Макс и тут же больно получил увешанным перстнями кулаком в плечо. – Ай! Ты хоть кольца снимай, когда бьёшь! А то нашим завтра придётся выпустить новость под заголовком «Корреспондента Агентства до смерти избил либерал из пятой колонны».

– На себя посмотри, крымнашист, – буркнула Поля.

– Да вы вообще, журналюги, офонарели, скоро в глотки друг другу вцепитесь. Уж насколько у меня работа собачья, а такой грызни нет, – проговорил Прок, закручивая усы. Он работал «трэйни асоушиэйт» в одной крупной международ-

ной юрфирме и очень злился, когда его должность переводили на русский язык – «юрист-стажёр».

– Ты теперь всех, кто поддерживает воссоединение с Крымом, будешь называть крымнашистами? – спросил Макс.

– Я вообще теперь определяю отношение к людям по принципу: «Скажи мне, чей Крым, и я скажу, кто ты». Общалась тут намеренно с одним мидовцем, он мне сказал, что Крым – крымчан. Настоящий дипломат...

– Но ты, конечно, против?

– Ещё бы! Как сказала Собчак, нефиг воровать из горящего дома подаренный по пьянке канделябр. Никакое это не воссоединение, это аннексия, и профессор Zubov был прав, такое уже бывало в тридцать восьмом году.

– Ты говоришь, как фашисты.

– Что?!

– Ну, в смысле, немцы. Просто у меня редакторша почему-то всех немцев за глаза фашистами называет. Каждый день говорит мне: «Макс, погляди, что там фашисты про Крым пишут».

– И как? – поинтересовалась Поля.

– Ничего хорошего не пишут – *аниллюс* и *аннексия*, и дело с концом. Худшей издёвкой для них является употребление в этом контексте слова «воссоединение» – оно у них ассоциируется с воссоединением двух Германий в девяностом. А ведь этим они обязаны русским и Горбачёву. Но никакой благодарности, только ведра помоев. С таким же успехом я

мог бы каждый день писать, что ФРГ аннексировала ГДР, нарушив нормы международного права!

– Как вы запарили со своей политикой, политика тут, политика там! Дайте побухать спокойно, – простонал Прок, опустошая бокал. – Я вот сегодня правил договор на двести миллионов рублей с одной конторой по глобальным стратегическим коммуникациям...

– Красавчик, – Макс сделал ещё глоток кислого пойла.

– Кстати, о коммуникациях, – сказала Поля. – Мне кажется, Макс, тебе надо заняться чёрным пиаром. Это как раз твоя тема. Моему знакомому журналисту на днях звонили, намекнули, что заинтересованы в поддержке Донецкой народной республики и предложили ему «помочь её руководству формулировать мысли» и «правильно позиционировать себя в медиа-среде». Он их сразу же послал...

– Думаешь, я не пошлю?

– Не знаю. А пошлёшь?

– И я не знаю. Пока об этом не думал.

– Вашу мать... Официант, можно водки? – громко сказал хмурый Прок, яростно теребя усы, и Поля с Максом поняли, что пора сменить тему.

Прок пил этим вечером за троих. Когда совсем стемнело, он вызвал за счёт своей конторы такси и уехал домой, а Макс с Полей остались одни у входа в «Жан-Жак».

– Прости за весь этот разговор и за то, что ударила, – проговорила Поля.

– Да ладно, – хмыкнул Макс. – Но кольца лучше снимать.
– Хорошо. Позвонишь Элине?

Макс достал телефон, набрал номер.

– Она ждёт, – сказал он, закончив разговор. Они направились в сторону метро, чуть обнявшись. В трёх станциях вышли, прошли вдоль проспекта минут десять и свернули в тёмный проход арки, дальше на лифте на девятый этаж. Дверь открыла невысокая красивая девушка лет двадцати с длинными русыми волосами. По вечерам она работала по вызову, а днём училась в одном из московских вузов на экономиста, и Макс с Полей периодически наведывались к ней.

– Давно вас что-то не было, – сказала Элина, отправляясь в душ.

– Зарплату задержали, – пожал плечами Макс, запирая за собой входную дверь...

С утра он проснулся разбитым. В Агентстве Морган заставила его распутывать сложный коррупционный скандал в одном из крупных машиностроительных концернов ЕС, а потом разбираться в причинах забастовки пилотов аэропорта во Франкфурте. Выпив лошадиную дозу кофе, Макс кое-как родил парочку текстов, после чего Таня подозвала его к себе.

– Макс, все коры сейчас заняты по горло с хохлами, а наш спец по Палестине в отпуске. Вам с Жанной надо сходить на прессуху к израильской послнице и послушать, что она скажет про операцию в Газе. Справитесь?

– Без проблем, – кивнул он и отправился на задание. Обычно на всех пресс-конференциях, где он бывал до этого, Макс просто записывал всё на диктофон, а после спокойно расшифровывал запись в редакции за своим компом. Но то было с экспертами и аналитиками, которые просто пытались заглянуть за дымку завтрашнего дня и состряпать хоть какой-то правдоподобный прогноз, а сейчас ему предстояло иметь дело с полноценным ньюсмейкером.

Жанна была всего на год старше Макса и работала в Агентстве немногим дольше его, но её вот-вот должны были отправить собкором в Нью-Дели, так как она хорошо знала хинди и английский.

– Блин, как же я тебе завидую, – сказал Макс, когда они подходили к зданию международного пресс-центра, где у входа покуривали операторы федеральных телеканалов. – Ты только-только устроилась, а уже едешь собкором. Мне с моим английским и немецким нужно минимум лет пять отпахать, чтоб куда отправили... Жить в Индии и путешествовать по разным местам с политиками и бизнесменами – это же мечта! Я следил за лентами собкоров в других странах, они в день пишут от силы два-три текста. Это же на час работы, всё остальное время – полная халява!

– Я бы не идеализировала так работу собкоров, – сдержанно проговорила Жанна, которая, полностью отвечая стереотипам об индийцах, увлекалась йогой и буддистской философией. – Чтоб написать эти два-три текста, им приходит-

ся много копать, да и психологически это тяжело. Всё-таки жизнь в другой стране, вдали от близких и друзей...

Макс лишь скептически хмыкнул. Войдя в зал для пресс-конференций, они миновали стройные ряды штативов с видеокамерами и устроились на свободных местах, приготовив диктофоны. Госпожа посол в сопровождении переводчика и военного атташе появилась полчасика спустя, сославшись на московские пробки. На Макса произвёл впечатление безукоризненный русский этой красивой, уверенной в себе женщины и та тёплая энергия, которая от неё исходила. Около часа посол и атташе по очереди высказывались на тему только что начатой Израилем в секторе Газа операции «Нерушимая скала». Атташе, мощный лысый мужик с рублеными чертами лица, гвоздил слова низким басом, а посол говорила тихим доверительным голосом, каким беседуют у камина за бокалом глинтвейна старые друзья. По их словам выходило, что палестинский ХАМАС – понарывшее тут и там туннели вероломное зло, которое добрый Израиль в порядке самозащиты должен если не уничтожить, то хотя бы ослабить. Для этого израильтяне бомбят школы и жилые кварталы палестинцев в Газе.

– Что дальше? – спросил Макс, когда конференция закончилась и операторы стали сворачивать шнуры.

– Как можно быстрее составить новость и передать оператору, чтоб он оформил и кинул её на флаг, – ответила Жанна, и они отправились искать тихое местечко. Главное в работе

новостных агентств – скорость, потому что новость, пришедшая с опозданием, уже никому не нужна. Получив от источника новость – это может быть и одна замаскированная под кучей красивых слов фраза, – корреспондент звонит новостному оператору и надиктовывает её. Оператор обрабатывает записанное в стилистике Агентства, после чего отправляет на флагман («флаг») – отдел выпускающих редакторов, которые проверяют текст на наличие стилистических и фактических ошибок, затем новость выкладывают в терминал и на сайт, откуда её расхватывают на цитаты многочисленные газеты, телеканалы и новостные сайты.

В сквере рядом с пресс-центром нашлась пустая скамейка.

– Мы будем давать всю эту лабуду про контрабанду оружия и организацию терактов палестинцами? – спросил Макс.

– Ты что, конечно, нет, – ответила Жанна. – Всё, что она сказала, надо делить минимум на два. Ты вообще бэки читал перед выходом?

– Ну как тебе сказать...

– Понятно. А как ты собираешься отбирать цитату, когда даже не знаешь, что из сказанного новость, а что нет?

Макс ничего не ответил. Нахмурившись, Жанна вручила ему диктофон.

– На вот, найди, что она говорила про обстрел палестинской школы, когда дети погибли, я пока лид напишу. – Повозившись с чужой техникой, Макс нашёл нужный кусок за-

писи и стал слушать.

– Кажется, она говорит, что Израиль снимает с себя всю ответственность, так как им казалось, что в школе прячутся боевики ХАМАС.

– Кажется или точно?

– Да точно, точно. Хочешь, сама послушай.

– Ладно, диктуй, – Жанна записала под диктовку Макса цитату, после чего проговорила её в трубку первому освободившемуся оператору. – Ну вот и всё, работа сделана. Поехали в редакцию.

Морган нахмурилась, когда они вернулись с задания чуть позже, чем было нужно, но ничего не сказала, и Макс уже было расслабился, как вдруг ему пришло сообщение от Прока: «Ну и днища у вас там работают, даже фамилию посла правильно записать не могут!». В панике Макс полез на главный сайт и с ужасом обнаружил, что в фамилии посла допущена ошибка – по его вине! Это он неверно продиктовал сложную еврейскую фамилию Жанне, когда та передавала новость оператору. Странно, что на выпуске этого не заметили. Макс быстро кинул взгляд на сидевшую напротив Жанну и по полным страха глазам понял: она тоже заметила. На долю секунды её палец прижался к губам, мол, молчи, но какой смысл утаивать свой косяк от Морган, когда взрывная волна запущена и бесчисленные сайты доверчиво принялись распространять его ошибку по просторам сети? Весь оставшийся день Макс боязливо поглядывал в сторону Тани, вздрагивая

под каждым её взглядом, однако она так ничего и не сказала ему. Ошибка в фамилии посла была не первой в его практике, он и раньше позволял себе некоторые упущения, зачастую из-за чистой невнимательности. Однажды он перепутал имя и отчество военного эксперта, и новость вышла в таком виде, отчего политолог долго ругался в трубку, заставляя Макса краснеть, как советский флаг. Другой раз Макс перевёл фразу «senior official in the foreign office of Egypt» как «министр иностранных дел Египта» вместо «высокопоставленный чиновник египетского МИДа», за что Морган костерила его по-чёрному целую неделю. Втайне Макс подозревал, что его небрежность к фактам рано или поздно больно ему аукнется. В школе и в институте цена ошибки – плохая оценка, в худшем случае незачёт и пересдача, а тут, на выходе, когда всем плевать, какого цвета у тебя диплом и насколько ты крут был за партой alma mater, ценой может быть чья-то жизнь, в том числе и твоя.

Вечером в «Жан-Жак» его ждала Поля с бокалом martini. По её красным глазам он понял, что она уже третьи сутки не спит.

– Стрёмно выглядишь, – сказал он, заказывая себе виски с колой.

– Мог бы и не говорить. Макс, это какой-то адок, – протянула Поля, втирая подушечки пальцев глубоко-глубоко в виски. – Я уже давно свыклась с мыслью, что нашу лавочку скоро прикроют после всей этой истории с Крымом и нега-

тивной реакцией на это нашего главреда. Я даже привыкла, что половина читательских писем – это обвинения в предательстве, угрозы сжечь нас заживо и пожелания захлебнуться в собственном «либеральном дерьме», но это уж чересчур.

– Ты что, занялась сетевым маркетингом?

– Макс, твой юмор даже не плоский, – поморщилась Поля. – Назвать его плоским было бы величайшим комплиментом.

– Спасибо, стараюсь. Ну, так что стряслось?

– Помнишь, я рассказывала, что мне в руки попала информационная бомба?

– Ты знаешь, я так часто пишу про взрывы и бомбы, что меня от них уже тошнит. Как и от многих других вещей в этом мире.

– Ну так вот, помимо прочего, мне приходится работать с зарубежными авторами, и на днях одна популярная еврейская блогерша с русскими корнями разрешила опубликовать отрывки из её репортажей про жизнь палестинских семей в Газе, который сейчас обстреливают израильтяне. Ты ещё не читал этот материал? Он только вчера вышел...

– Чукча не читатель, чукча писатель, – хмыкнул Макс.

– Ладно, не важно. В общем, крутой текст, но мне так и так пришлось его сильно сократить, ибо мы не электронная библиотека, а сайт радиостанции, и у любого текста должен быть разумный объём. Так вот, почти сразу после публикации со-

кращённой версии эта еврейка опубликовала гневный пост, в котором обвинила нас и меня лично в ограничении свободы слова, мол, я выкинула из её опусов куски про страдания палестинских детей, разрывааемых осколками снарядов. Я написала ей письмо, что никакой политической подоплёки и цензуры тут нет, лишь чисто редакторские соображения, так она накатала ещё один пост с выдержками из моего письма, где выставила меня полной дурой. После этого мой почтовый ящик просто взорвался. На него стали приходить сотни писем с угрозами и оскорблениями на разных языках – натуральный адок! Мне пришлось на время его заблокировать, потому что это просто невыносимо...

– Забавно. Теперь ты чувствуешь, каково это, когда на тебя гадят иностранцы? – ухмыльнулся Макс.

– Вот только не надо злорадствовать.

– Хочешь, чтоб тебя пожалели?

– Нет, просто ещё чуть-чуть, и я натурально сдохну. И это не только из-за травли наглой еврейки, ко всему прочему я сегодня прошляпила свой ноутбук!

– Это тот, который ты во всероссийском конкурсе репортажей выиграла?

– Он самый. Я шла с ним по коридору и споткнулась, он упал и вдребезги. И ладно бы экран полетел – лопнул жёсткий диск, а на нём вся моя жизнь! Фотки, видео, база контактов, документы, письма читателей, контент для публикации на ближайшую неделю – всё! Главред ещё не в курсе, и я

пока не знаю, что ему сказать.

Официант принёс виски с колой, и Макс с наслаждением глотнул ледяного напитка, почувствовав во рту освежающую горечь. Кубики льда мелодично звенели в бокале.

– Меня вообще всё здесь бесит! Бесит моя личная жизнь и то, что мы с тобой творим! Это как у Евтушенко: «ходят в праздной суете разнообразные не те». Я чувствую, что меня окружают одни не те, что делаю я совсем не то! Меня бесят эти увешанные георгиевскими ленточками хоругвеносцы и попы-блогеры, коммунисты с айпадами и «вежливые люди»! Эти марши с флагами и транспарантами «Крым наш!», этот блатняк из всех щелей и вата вместо мозгов. Бесит Лена Андреева на Первом и Киселин на Втором. Макс, ну хоть Киселин-то, хоть его-то ты ненавидишь всем сердцем, я надеюсь? Пожалуйста, скажи мне!

Макс медленно сделал глоток и представил себе гладко выбритое и сверкающее залысинами в свете софитов лицо Киселина, гения прокремлёвской пропаганды, недавно ставшего генеральным директором Агентства. Когда-то он действительно ненавидел его всем сердцем, но это осталось в прошлом.

– Я отношусь к этому человеку с большим уважением, – отчётливо проговаривая каждое слово, сказал Макс. На секунду взгляд Поли сделался совершенно пустым. – Ты знаешь, у меня нет поводов ненавидеть его. В прошлом году, когда я учился на последнем курсе, он приходил к нам читать

лекцию, и сам ректор сидел от него по правую руку. Как сейчас помню, он рассказывал бесхитростную историю. В середине девяностых, когда он работал на телевидении, ему доводилось снимать документальные передачи, одна из которых была посвящена водке и алкоголизму в России. Киселин основательно подошёл к делу и осветил тему от и до, рассказав и о появлении водки на Руси, и о русских питейных традициях, ну и так далее. Возвращаясь с Останкина, по дороге домой он встретил своего соседа-слесаря, и тот похвалил его, мол, классную программу сделал, только одно забыл сказать. «Что?» – удивился Киселин. Ему казалось, что он довёл свой выпуск до идеала. – «Какую брать», – ответил слесарь. И вот, по его мнению, эти два слова – «какую брать» – окончательно определили для него задачу современных СМИ в России. Российское общество пребывает в состоянии ценностного вакуума, который нужно заполнить. Время «дистиллированной» журналистики кончилось, а точнее, никогда и не наступало. Не надо заниматься морализаторством, что водка – зло, мы всё равно не бросим бухать. Ты лучше скажи, какую брать, чтоб не палёная была, а мы из двух зол выберем меньшее. И так во всём. После той лекции я перестал ненавидеть Киселина, мне показалось, что я его понял.

Поля сидела с холодными глазами и смотрела на опустевший бокал мартини.

– Поль, я отлично тебя понимаю. Я помню это состояние

Карениной перед броском на рельсы, – сказал Макс, допивая виски. – Меня тоже трясло от всей этой жести вокруг. Помню, когда я только поступил на журфак, мы сидели с одним поэтом-анархистом на кухне и пили водку, и он мне сказал, что после института я стану продажным журналистом. Я тогда страшно обиделся, и мы едва не подрались. Как, чтобы я и продажным журналистом?! – Макс задумчиво повёл бокалом с тающим льдом перед глазами. – А потом как-то, знаешь, перегорело, переболело. Какие есть альтернативы? Уехать в поисках лучшей жизни или остаться и любить своё болото таким, каким его Бог создал. Что-либо менять здесь бессмысленно, это ты прекрасно знаешь. Предположим, уехать. Куда? В Европу? В Штаты? В Китай? Я знаю с десяток таких лягушек-путешественниц, сменивших болото на трясину. Думаешь, им там сладко живётся? Они еле сводят концы с концами. Открой их фейсбук – это же сплошная довлатовщина. Одна тоска по родине вперемешку с комплексом неполноценности, ненавистью к своей национальной природе и невозможностью от неё избавиться. Бедность, подработки официантом и вечный языковой и культурный барьер. Ни один из них никогда не выбьется в люди, а под старость приползёт в родные пенаты и попросит уложить его в русской рубашке под берёзами умирать. Ты, конечно, можешь попытаться счастья, но я себе такой судьбы не хочу. Увы, за бугром ничего нет, пора снять розовые очки и посмотреть правде в глаза. Настоящий день у нас с тобой

может наступить только по эту сторону занавеса.

Наступила долгая пауза. Очень долгая.

– Думаю, нам с тобой лучше пока не общаться. Заплати за меня, – наконец сказала Поля, встала и вышла. В глазах её Макс успел заметить слёзы, но бежать за ней вслед не было ни малейшего желания.

То, что происходило между ними последний год, можно было назвать «дружбой с преимуществами», хотя Макс и морщился от этой грубой кальки с английского. Он никогда не любил Полю, хотя и спал с ней иногда, никогда не дарил ей подарков, хотя мог себе это позволить. Их «дружба», полная сарказма и взаимных издёвок, забавляла его и вносила в пресную жизнь некую перчинку. Несгибаемая уверенность Поли, её самостоятельность и непримиримость в главных вопросах восхищали его. Возможно, ему всегда недоставало того, что было присуще ей с рождения. Поля выросла без отца, очень быстро разъехалась с матерью и уже к середине института стала абсолютно независимой в финансовом плане, тогда как Макс даже после того, как начал зарабатывать сам, всё равно периодически брал у родителей деньги. Каждый раз, когда он обладал ею, Макс испытывал смешанное чувство гордости и стыда. Он гордился тем, что в эту минуту девушка находится рядом именно с ним, и при этом осознавал, что недостойн и локона её волос. Поля, видимо, думала о том же. И Макс лишь оттого не бросился её догонять, что ничего не терял – за всё время их общения ему так

и не удалось даже на миг сделать ее по-настоящему своей...

На следующее утро, когда он уже был в Агентстве, пришла страшная весть – в московском метро произошла авария, пострадало несколько сотен человек, десятки погибли. И хотя крушение поезда произошло совсем не на его ветке, волосы на голове у Макса зашевелились – на месте погибших мог оказаться кто угодно, в том числе и он.

После вести о катастрофе в метро все в ньюсруме заметно приуныли, и только на светлом лице Морган Макс заметил улыбку.

– Чему ты улыбаешься?

– Ты разве не заметил, мы дали новость об аварии на тридцать секунд быстрее конкурентов, и на нас сослались Рейтер и Франс Пресс. Такое нечасто бывает. Теперь у нас подрастёт индекс цитируемости...

Каждый раз, приходя на работу, Макс заранее знал, что будет описывать чью-нибудь смерть. В мире постоянно что-то взрывалось, ломалось, падало, тонуло, подвергалось атакам стихии, и в ходе этого гибла уйма народу. Больше всего жертв за один день Макс насчитал, когда в Кашмире где-то на границе Индии и Пакистана начались аномальные ливни, что привело к невиданному наводнению, утопившему около пятисот местных жителей. Макс изо всех сил пытался представить себе пятьсот трупов, но даже его воображения не хватало, а ведь бывали в мире события, приводившие к смерти миллионов... Новость Макса о пяти сотнях уто-

нувших индийцев прочитали приблизительно сто тысяч человек, что было в двести раз больше числа жертв, и представить их себе было совсем уж нереально. Макса иногда очень забавляло, что каждый день он рассказывает одним людям, живущим чётр там, о других, которые живут ещё дальше. И если он ещё мог вообразить, что когда-нибудь побывает в Сибири или на российском Дальнем Востоке, где народ по вечерам читал его статейки, то в том, что когда-либо поедет в Кашмир или куда-нибудь в Сирию, где людям отрезают головы, Макс сильно сомневался. Иногда он сомневался и в том, а существуют ли все эти люди вообще? Эмпирическим путём он не смог бы доказать их существование никогда – для этого пришлось бы объехать полмира и увидеть их своими глазами. Единственное, что ему оставалось – просто верить: они действительно гибнут и действительно читают его новости. Ирония была ещё и в том, что число погибших Макс мог бы подправить (снизить или увеличить), а число читателей – нет.

После работы за ним на такси заехал Прок, они поужинали в «Пирогах» на Китайке и поехали к нему. Серёга жил со своим отцом в шикарной квартире на Шуваловском. Сам Прокопьев-старший регулярно ездил в заграничные командировки, практически не видел сына, что позволяло тому относительно свободно водить домой друзей и девушек. Комната Прока была обставлена со вкусом: на видном месте стоял старенький виниловый проигрыватель с коллекцией пла-

стинок великих джаз-музыкантов, на стене висели портреты Хью Лори, Ланы Дель Рей и Тома Йорка, рядом с кроватью уместился маленький столик, где были россыпью разбросаны открытки, которые Прок покупал, путешествуя по миру. Прок взял со столика бокал и бутылку «Бэллентайнз» – он называл этот виски не иначе как «чай для юристов» – и протянул Максу.

– А что твой отец говорит на то, что ты тут вискарь хлещешь каждый день?

– Ну, во-первых, ему по барабану, а во-вторых, совсем не каждый. Только по праздникам, – отозвался Прок, разливая «Бэллентайнз» по бокалам.

– И какой сегодня праздник?

– День этого... Ну как его?... Придумай сам, короче.

Выпили. Потом Прок захотел покурить, и они вышли на балкон. Пока Серёга закуривал, Макс наслаждался открывающимся видом. Во многих окнах горел свет. Внизу под окнами фонари отбрасывали густые тени на асфальт. Где-то в листве стрекотал сверчок.

– Меня вчера Поля послала, – сказал Макс.

– Прямо послала?

– Нет. Сказала, нам лучше пока не видеться.

– Значит, послала, – констатировал Прок, выдыхая через нос струю сигаретного дыма. – Я, конечно, в ваши дела не лезу, но завязывал бы ты с этим. Хорошо мозги друг другу канифолить.

– Да кто я такой, чтобы ей канифолить мозги? Я для неё – низшая форма жизни, пригодная только для размножения.

– Плохи дела человечества, раз она так считает, – оглядев его, хмыкнул Прок.

– Пошёл в пень, – огрызнулся Макс. – Ты прекрасно знаешь моё отношение к женщинам, мы с тобой со школы знакомы.

– Конечно, знаю. Натуральный садист.

– Вот именно, – кивнул Макс. – Не знаю, откуда это взялось, но для меня любовь всегда была равносильна страданию. Причём страдать должны оба, иначе нет смысла. Она – от сомнений в правильности выбора, я – от невозможности достичь идеала.

– Совсем долбанулись, журналюги, – покачал головой Прок. – Хотя я понимаю, о чём ты. Я вот тоже не могу достичь идеала. И никогда не смогу...

– Перфекционизм для юриста – нормально, – хлопнул его по плечу Макс.

– Это не стремление к совершенству, это навязчивая идея. Или навязанная. Понимаешь, мой отец с детства вдохновлял меня своим примером. К тридцати пяти он уже был партнёром в международной юрфирме и зарабатывал пятьсот «ка» в месяц, просто как процент от сделок. Сейчас он может не работать и ежедневно кидаться пятитысячными купюрами в прохожих, но ему просто гордость не позволяет бросить контору. Он всегда хотел, чтобы я повторил его путь след

в след.

– Да, ты поступил на юрфак, как он когда-то, закончил с красным дипломом, стал «ассошиэйтед трейни» или как там это у вас зовётся... Красавчик, что тут скажешь.

– Во-первых, трэйни ASSOUSHIЭЙТ, а во-вторых, не перебивай, – Прок налил ещё виски и выпил. Свет уличных фонарей отражался в его глазах. – Недавно я понял, что очень болен.

– Шта? Есенина перечитал?

– Ты же знаешь, что я из классики знаю только «Му-му». Не, чувак, со здоровьем всё в порядке, это здесь, – Прок бросил окурок с балкона и приложил ладонь к сердцу. – Понимаешь, я сейчас зарабатываю шестьдесят косарей, и мне, в принципе, хватает. Но для отца и моих друзей-яппи этого недостаточно, они уверены, что я могу выжимать больше. Отец говорит, если я буду работать по двенадцать часов в сутки, как он, то через год буду зашибать сто, а через пять лет – триста. Сколько, по-твоему, человеку нужно, чтобы стать счастливым? Пятсот хватит?

– Не знаю, мне и сорока пока хватает.

– И я не знаю, поэтому не вижу во всём этом смысла. Но кроме денег и работы у меня ничего нет. Даже девушка от меня ушла из-за того, что я допоздна засиживался над этими долбаными договорами и не уделял ей внимания. Самое главное, я иначе просто не могу. Я, как акула, бро, если остановлюсь – утону. Меня ждёт либо много денег плюс по-

саженная печень, бессонница и одиночество к тридцати, как моего отца, либо... Я даже не знаю, что... Другой жизни я и представить себе не могу. Забавная вещь: мне тут на днях написал наш общий знакомый яппи Антуан, который ещё учился в Нью-Йорке. Он в прошлом месяце выиграл грант на двухлетнее обучение в Тулузе, и знаешь, что он мне сказал?

– Что французские тёлки страшнее американских? – поднял бровь Макс.

– Он сказал: вот ты сейчас пашешь, как Папа Карло, чтобы заработать дофига бабла к тридцати годам, купить себе маленький домик на юге Франции и ничего не делать. А я уже получил дофига бабла, живу в маленьком домике на юге Франции и ничего не делаю, и мне это совсем ничего не стоило. Это были самые ужасные слова, которые я слышал в своей жизни. А ещё страшнее то, что я не могу, как он, просто взять и поехать хрен знает куда изучать хрен знает что, я повязан по рукам и ногам своими обязательствами перед фирмой и отцом. Более того, я не могу этого даже представить! Ну, серьёзно, что я буду делать, если не фигачить допоздна на работе и не бухать по ночам с тёлками?

– Не знаю. Попробуй для разнообразия выращивать цветы, кошку заведи.

– Издеваешься? – Прок докурил одну сигарету и начал следующую.

– Вовсе нет, – отозвался Макс. – Почему бы не попробо-

вать то, что тебе не свойственно? Это очень сильно изменит взгляд на мир.

– Ты сам делал подобное?

– Конечно. Последний раз, когда ездил в отпуск, три дня прожил в землянке с семьёй отшельников.

– Почему я об этом не знаю?

– В таких случаях принято говорить «ты не спрашивал». Но если серьёзно, то это произошло совершенно случайно. У меня есть один знакомый кришнаит Тимофей, который давно это предлагал. Добирались от Москвы чуть меньше суток, а потом ещё долго шли пешком почти без дороги. Я бы при всём желании не смог показать тебе на карте, где это находится. В общем, Тима привёл меня к Платону – он со своей семьёй живёт в землянке на берегу небольшого озера. Мы с Тимофеем провели рядом с ними три дня, и это – одно из самых странных переживаний в моей жизни. Платон – инженер с высшим образованием, до тридцати лет проектировал дома и в свободное время занимался резьбой по дереву, а потом встретил свою жену Ольгу, они вместе купили по дешёвке участок в той страшной глухомани и уехали туда жить. Вокруг – ни одной живой души, до ближайшей трассы – полчаса на машине по бездорожью. Зато природа сказочная. Лиственный лес, берёзовая роща, огромные пастбища, где Платон пасёт своих коров и коз, да ещё и озеро рядом. Сам он под два метра ростом, бородень, как у тебя, ручки огромные, глаза искрятся, как у святого. Всё в своём

маленьком мирке он сделал собственными руками. У берега он соорудил огромную насыпь, так что получилась небольшая бухточка, и его жена каждое утро ходит туда поплавать, как в своём личном бассейне, только с рыбками. Самые маленькие рыбки её не боятся, подплывают и щиплют за ноги, это же что твой пилинг. Ей лет тридцать на вид, она уже давным-давно не пользовалась косметикой, но выглядит, будто только сошла с обложки глянцевого журнала. Я давно не видел такой красивой женщины с такими горящими радостью и мудростью глазами. У Платона с Ольгой трое детей, старшим, мальчику и девочке, уже по пять лет, а самому младшему – полгода. Платон сам принимал роды каждый раз, перерезал пуповину. Дети здоровые, крепкие, бегают босиком по земле и камням, лазают по деревьям, хорошо плавают. Правда, они очень стеснительные и ни разу со мной так и не заговорили, но с родителями болтают охотно. Платон сказал, что специально увёз их подальше от городской суеты и людей, чтобы как можно дольше сохранить в них чистоту и непосредственность.

– А как он собирается их учить потом?

– Его жена по образованию педагог, учитель начальных классов, и начальное образование они дадут им сами, а потом уже придётся решать, что делать дальше, но до этого момента у них ещё лет пять минимум. Живут они в вырытой внутри небольшого холма и обустроенной землянке. Чем-то напоминает домик хоббитов. Зимой топят печку, а летом там

приятная прохлада. В планах построить большой дом-мазанку из глины, они уже вырыли под него котлован. Платон себя называет не отшельником, а эко-фермером. У него есть несколько коров и стадо коз, которых он пасёт, а Ольга доит. Из молока делают сыр, творог, ряженку, потом торгуют этим, животных тоже покупают-продают. Неплохо зарабатывают, кстати, на этом. Платон с Ольгой счастливы, хотя их жизнь и трудна – непросто вдвоём управляться с таким хозяйством, да ещё и детей воспитывать. Но они по-настоящему счастливы. Когда я видел, как Платон смотрит на Ольгу, страшно завидовал.

– Почему?

– Потому что никого не смогу полюбить с такой силой, никогда не буду готов пожертвовать для него всем, особенно жизнью. Для этого нужна духовная сила, а во мне её нет и взять нигде.

– И что, у тебя открылся третий глаз после того, как пожил с хоббитами?

– Я люблю сарказм, но в данном случае говорю совершенно серьёзно, – Макс отхлебнул виски, глядя, как гаснут один за другим городские огни. – Когда видишь, как живут другие люди, совсем иначе начинаешь смотреть на то, что на самом деле важно в этом мире. Как-то утром, когда Платон с Ольгой ушли работать, мы с Тимофеем сидели на насыпи у пруда и смотрели на рыбок. Вокруг кружили всякие насекомые, и Тимофей вот так вытянул руку вперёд, и на неё сел май-

ский жук. Он дал мне рассмотреть его близко-близко – как тот перебирает лапками, ползая по руке, как отливают радугой на его хитиновом панцире лучики солнца. Потом жук расправил крылышки и улетел, и Тима мне сказал, показав на озеро и заросли по берегам: гляди, Макс, это же целый мир, тут сейчас происходит чуть ли не больше, чем во всей Москве! А я ответил: знаешь, Тим, может, конечно, полёт жука и рост травы отражают суть бытия, но есть на свете вещи и поважнее. Когда на твоих глазах цивилизации обмениваются ударами, вершится история, философия отходит на второй план. Тогда как раз перед отпуском началась вся эта бодяга с санкциями ЕС и нашим овощным эмбарго, ну, ты помнишь. Сейчас я, наверное, так бы уже не сказал...

Помолчали. Прок докурил вторую сигарету, достал из кармана маленький зелёный пакетик, извлёк из него пару крупинок чего-то и положил их на кончик следующей. Затем прожёл дырочку в полулитровой пластиковой бутылке от кока-колы, вставил туда сигарету, подкурил и подождал, пока бутылка наполнится густым молочным дымом, отвинтил крышку и сделал глоток.

– Может, я и свалю куда-нибудь учиться, как Антуан. Или картины начну рисовать. Разберусь только сперва с договорами... – сипло проговорил он. – Будешь?

Прок протянул бутылку с дымом Максу. Тот молча взял и вдохнул.

Свет в окнах погас, и город погрузился во тьму. Максу

пришлось, что он попал в ад. Во сне он выглядел в точности, как московское метро зимой в час пик, когда стоишь в непробиваемом пуховике с тяжёлой сумкой, сжатый со всех сторон человеческой массой и отчаянно потеешь. До твоей станции ещё бесконечно далеко, а людей в вагоне всё прибывает и прибывает, и уже не хватает воздуха, и нет возможности даже шевельнуть рукой.

Макс подумал, что уже видел это в каком-то сериале. Главные герои там жили убеждённо, что рано или поздно наступит светлое будущее, но в какой-то момент их мечты пошли прахом, а элита, которой они верили, оказалась кучкой жуликов. Тогда они подняли восстание и свергли старую власть, закидав её коктейлями Молотова и завалив подожжёнными покрышками, после чего их страна развалилась на части. Рекой полилась кровь, тысячи людей потеряли работу, жильё, родственников, жизнь. Те, кто были братьями, превратились в заклятых врагов. Кто казался другом, отвернулся в трудную минуту. В какой-то момент герои вдруг поняли, что у них нет ни прошлого, ни будущего, а есть только страшный маленький островок настоящего, затерянный в океане бескрайнего хаоса. И бежать куда-то с этого островка бессмысленно.

Макс смотрел этот сериал с упоением, и каждая новая серия захватывала его сильнее предыдущей, и оторваться от этого было нереально. Сюжетные ходы, предусмотренные гениальным сценаристом, сменяли друг друга, и каждый раз

он уже не помнил, что происходило до этого, потому что новое событие накрывало его с головой. Хитросплетения сценария змеились и искривляли привычную логику жизни настолько, что безумие начинало казаться нормой, а норма – безумием. Правда – это ложь, мир – это война, дружба – это вражда, любовь – это ненависть.

Мог ли Макс сказать с полной уверенностью, что живёт, или ему это только казалось? А может быть, он сам является плодом чьего-то воображения? Если на работе он запросто может изменить слово в тексте, исказить какой-то факт, и сотни тысяч людей после прочтения станут думать чуточку иначе, и его вымысел станет частью их сущности, не мог ли и он сам на все сто быть компиляцией чужих вымыслов? Ему говорили, что человек должен любить, но он сам не может. Ему говорили, что человек рождён для счастья, но ведь счастье относительно, и откуда кому известно, как оно выглядит на самом деле? Ему говорили, что можно изменить свою жизнь, но как можно изменить то, в самом существовании чего ты не до конца уверен? Макс так часто думал об этом и так часто сдавался, просто опуская руки и позволяя очередному дню нести себя, как Ёжик в тумане разрешал нести себя реке в гости к Медвежонку...

Проснувшись после ночной пьянки у Прока и быстро приведя себя в порядок, Макс помчался на работу. В редакции Макса ждала Морган, снова загрузившая его заданиями. На этот раз были заразившиеся Эболой американские врачи,

внезапная свадьба Джорджа Клуни и отправленные бундесвером на российско-украинскую границу военные эксперты, которые должны были при помощи беспилотников следить за ситуацией на месте событий. Справившись с заданиями и убедившись, что все новости вышли, Макс отправился в столовую. После обеда началась прессуха Лаврина, которую передавали в прямом эфире, и корреспонденты с диктофонами забегали по редакции с удвоенной силой. Новости в терминале появлялись каждые пятнадцать секунд – ровно с той скоростью, с какой министр успевал высказывать новую мысль.

ЛАВРИН ПРИЗВАЛ ЗАПАД К МИРНОМУ УРЕГУЛИРОВАНИЮ НА ВОСТОКЕ УКРАИНЫ.

РОССИЯ ОСУЖДАЕТ РЕШЕНИЕ ЕВРОСОЮЗА О ВВЕДЕНИИ ОЧЕРЕДНОГО ЭТАПА САНКЦИЙ – ЛАВРИН.

ЗАПАД ПРОВОДИТ ПО ОТНОШЕНИЮ К РОССИИ НЕДРУЖЕСТВЕННУЮ ПОЛИТИКУ, И МОСКВА ОБЕСПОКОЕНА АГРЕССИВНОЙ РИТОРИКОЙ АМЕРИКАНСКОГО ПРЕЗИДЕНТА ОБАМЫ – ЛАВРИН.

МИНИСТР ЛАВРИН ОСУДИЛ РЕШЕНИЕ ГЕРМАНИИ О ПРИМЕНЕНИИ БПЛА НА РОССИЙСКО-УКРАИНСКОЙ ГРАНИЦЕ БЕЗ СОГЛАСОВАНИЯ С РОССИЙСКОЙ СТОРОНОЙ.

– Что? – Макс не верил своим ушам.

– На тебя только что сослались, – бросила Таня.

– Поздравляю! – сказала сидевшая рядом Жанна. В голосе её слышалось уважение.

Пару часов до конца рабочего дня Макс чувствовал себя абсолютно счастливым. Как-то раз Прок сказал ему, что большая часть профессий, по сути, является ненужной и оказывает совсем незначительное влияние на мир. После того, как на него сослался министр иностранных дел России, Макс перестал считать свою профессию ненужной. Увы, его радость была недолгой. Почти перед самым уходом Морган подозвала его к себе и показала срочняк:

ПРЕДСТАВИТЕЛИ БУНДЕСВЕРА ОПРОВЕРГЛИ ОБВИНЕНИЯ МИД РОССИИ В ПРИМЕНЕНИИ БПЛА НА РОССИСКО-УКРАИНСКОЙ ГРАНИЦЕ.

– Макс, как это понимать?

– Ну, мало ли, они ведь могут опровергнуть всё, что угодно, – немного помявшись, ответил он.

– Тогда что ты скажешь вот на это? – и Таня показала ему аналогичный материал на тему немецких беспилотников, который был написан конкурентами несколько минут спустя после того, как Макс опубликовал свою новость. В материале конкурентов речь шла не о применении беспилотников немецкими военными, а лишь о проверке экспертами необходимости их применять. И тут до Макса дошло: он совершил косяк при переводе. Это было как удар молотком по голове.

– У кого правда – у нас или у них? – спросила Морган,

и её вопрос прозвучал, как щелчок хлыста.

– У них... – еле слышно проговорил Макс.

– ТЫ ПОНИМАЕШЬ, ЧТО ТЫ ЧУТЬ НЕ ВЫЗВАЛ ИНФОРМАЦИОННЫЙ СКАНДАЛ?! – заорала она так, что все взгляды в ньюсруме обратились в их сторону. Если б у Макса в этот момент был в руке пистолет, он бы не задумываясь пустил себе пулю в висок.

– Таня, послушай... – только и смог проговорить он.

– Если б я была Дмитрием Киселиным, я б сказала «вон из профессии!», – произнесла она холодно. – Но я добрая, поэтому говорю тебе просто: «Вон из Агентства!» Ты уволен.

Говорить дальше было бесполезно, Макс понял, что всё кончено. Пока Морган писала за него опровержение и вносила исправленный вариант в терминал, Макс собирал вещи. Их было не слишком много: папка с документами, кофейная кружка, диктофон. Собрав вещи, Макс сдал Тане свой пропуск и направился было к выходу, но столкнулся с Жанной. Через неделю она улетала в Индию. Возможно, на несколько лет.

– Не люблю сантиментов, но, похоже, мы видимся в последний раз, – сказал он.

– Кто знает, – ответила она. – Земля круглая. Главное, не отчаивайся. Не повезло в этот, повезёт в следующий раз.

– Да уж, любой косяк можно оправдать жизненным опытом, если ты при этом не сдох.

– Кажется, до тебя эту мысль уже высказывал один фило-

соф. Правда, в более изящной манере, – улыбнулась она.
– Куда мне до него, – вздохнул Макс.

Они обнялись и распрощались. Бросив последний взгляд на родной ньюсрум, Макс вдруг услышал испуганные вопли, и вся редакция на его глазах постепенно превратилась в обезумевший муравейник. В кармане зажужжал телефон, это была смска от Поли.

«У Исламского государства теперь есть оружие массового уничтожения!!! Адок-адок!!!» – прочитал он. По его лицу пробежала тень лёгкой улыбки. Это означало, что они снова «друзья».

Москва,

ноябрь 2014 года

По полю мёртвых одуванчиков

Роман

Посвящается Насе Д.

*И ненавижим мы,
и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе,
ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови.*
М. Ю. Лермонтов

Глава I. Паутинная любовь

За окном танцевал дождь. Крупные кристаллики ледяной влаги били чечетку по крышам, стучались в стекло, словно просясь, чтобы их впустили, зло хлестали и без того израненную спину не знавшего ремонта асфальта. Как они похожи на слезы! – думала девушка с книгой в руках, сидя у окна и заморожено глядя, как капли дождевыми червями сползают по стеклу.

Деревенская улица была пуста. Ни случайных прохожих, ни редких здесь машин. Сквозь рисующую на земле круги водную стену с трудом можно было различить кособокие до-

мишки на другой стороне дороги и чёрный шпиль радиоантенны, совсем уже далекий и недостижимый, будто мираж. Девушка вернулась к чтению:

«С кем был! Куда меня закинула судьба! Все гонят! Все клянут! Мучителей толпа, в любви предателей, в вражде неутомимых...»

Дочитав страницу до конца, девушка захлопнула книгу и ласково прикоснулась к переплёту губами. Она всегда целовала книгу после прочтения.

– Воистину, злые языки страшнее пистолетов, – чуть слышно поговорила она.

– Са-ша-а! – эхом донесся из кухни глухой голос. – Иди есть!

– Иду, – пробормотала девушка. На столе перед ней лежал длинный список книг, которые ещё только предстояло прочесть. Несколько пунктов, например, «Слово о полку Игореве», «Недоросль» Фонвизина, «Бедная Лиза» Карамзина уже были зачёркнуты. Нехотя вычеркнув «Горе от ума», Саша задумалась. Ещё столько классиков впереди... Благо, у неё целый год, чтобы подготовиться к ЕГЭ по литературе.

– Са-ша-а! – снова раздался из кухни зов. Девушка вздрогнула.

– Да иду я!!! – выкрикнула Саша.

Сашина комната очень напоминала палату в районной больнице. Неопределенного цвета линолеум поблескивал при неярком свете белой, как халат терапевта, люстры. Се-

рые обои с тусклыми васильками. Письменный стол, без двух лет новенький компьютер. Учебники за одиннадцатый класс, книги, тетради, кирпичиками сложенные на нём. Бывалый диван-кровать, сожравший половину всей комнаты. Платяной шкаф, где из-за недостатка места приходилось хранить ещё и книги. Старое чёрное пианино – на нём ещё дедушка играл – молчавшее с тех пор, как Саша закончила музыкалку.

В комнате было чисто. Чисто настолько, что при взгляде на комнату у Саши возникало желание разбросать тут всё. Но нельзя – не зря же мама целыми днями наводит в квартире порядок, поэтому Саша привыкла. И к тесноте она тоже привыкла.

Свободного места было всего ничего – метр на метр. Правда, на двери висело большое зеркало, и благодаря ему комната казалась больше, но то был обман. Саша взглянула на себя: из зазеркалья глядела девушка семнадцати лет, уже достаточно оформившаяся, чтобы ловить на себе восхищённые взгляды мужчин. Стройную фигурку с широкими бёдрами и высокой грудью хорошо подчеркивали джинсы и бежевая блузка в обтяжку. Золотые локоны, собранные в два аккуратных хвостика, стекали по плечам. Живые голубые глаза. Многие ребята в школе считали Сашу красивой, и даже очень.

– Какая же я всё-таки толстая! – сказала Саша и, показав отражению язык, поспешила на кухню.

Кухня в доме Саши мало чем отличалась от её комнаты – те же обои с васильками, тот же линолеум, та же чистота. Одна из стен была выложена бледно-голубой плиткой, на которой висели два больших календаря за позапрошлый год с серыми и белыми котятами. Одинокая лампочка под потолком тускло светила, отбрасывая слабые блики на потолок.

У плиты над кастрюлей колдовала сутулая женщина в голубом переднике, мама Саши. На вид ей было не меньше пятидесяти, хотя по паспорту не исполнилось и сорока. Прикрытые прозрачной шапочкой волосы отливали поблекшим золотом. Потухшие голубые глаза при виде дочери на миг озарились нежным светом, но лишь на миг.

– Что на обед? – спросила Саша, заглядывая в кастрюлю. Не ответив, женщина молча принялась разливать по тарелкам густой дымящийся борщ.

– Мама! Ты что, спишь?

– Помоги мне накрыть на стол.

Мать и дочь покрыли стол голубой скатертью, разложили голубые салфетки и белые блюда с голубою каймой. Шум подъезжающей машины заставил отвлечься. Глухо завыл старый, покрытый болячками пёс, заскрипели ворота, входная дверь распахнулась, и в дом вошел высокий красивый мужчина в длинном чёрном пальто. Запах борща пропал, его вытеснил аромат мужского парфюма. Мокрые от дождя волосы вошедшего блестели, зелёные глаза горели; в руках – букет белых роз в пёстрой оберточной бумаге и зонтик.

– Привет семейству Снежиных! Отец дома, – бодро сказал мужчина, лёгким движением скидывая пальто и отбрасывая зонтик на тумбу. – Ох и поливает же там... Жуть!

– Ой, а что за цветы? Маме купил? – захлопала глазами Саша, принимая букет и ставя его в вазу. Мать молчала.

– Нет... это мне... на работе подарили, – чуть смущённо сказал отец и, подумав пару секунд, протянул букет жене. – А, впрочем, держи, дарю.

Мама Саши молча приняла подарок и, опустив глаза, унесла, чтобы поставить в вазу.

– С чего это, интересно? День рождения у тебя ещё не скоро.

– Так сегодня же... День научного работника.

– Но ты ведь не научный работник, ты чиновник, – проговорила девушка.

– Быть чиновником в России, дочь, – это целая наука. Тем более, в нашем районном Управлении. Люди плетут такие интриги – только успевай выводить гипотезы да опыты ставить. Как там было? И опыт, сын ошибок трудных, и гений, парадоксов друг... – отец Саши улыбнулся. – А знаешь, какой самый главный опыт? – сказал он уже из ванной, открывая кран. – Доказать, что незаменимые люди есть. Я живу как по Бомарше: Пётр Сергеевич тут, Пётр Сергеевич там... Куда мы без Пётра Сергеевича? Куда, а? Да никуда... Я смотрю у вас тут всё готово! – сказал отец, заглянув в кухню.

Мама Саши Снежиной работала медсестрой в местной

больнице и отличалась немалым кулинарным талантом, поэтому стол часто играл изобилием. И теперь наготовлено было немало. Кроме хлеба и огромной кастрюли отменного наваристого борща с фасолью на столе стояли салат из свежих овощей, лохань куриных ножек с зеленью, большая вареная рыба, нарезка сыра и ветчины и грушевый компот.

– Вот это я понимаю, добрая пища, – сказал Пётр Сергеевич, когда все уселись ужинать, после чего на несколько секунд закрыл глаза и что-то беззвучно произносил одними губами. У Снежина была привычка молиться перед едой – он приобщил к этому родных, и класса до седьмого Саша тоже усердно молилась каждый раз, а потом вдруг перестала, сама не зная, почему.

– Люблю, когда на столе столько всего, – произнёс Сашин отец. – В такой стране, как наша, свободный выбор имеет для человека первостепенное значение. Не довольствоваться тем, что есть, а выбирать то, что действительно хочешь – это и есть свобода.

– Ты прямо философ, – хмыкнула Саша. – Так что за научные изыскания там у тебя?

– Ничего особенного, – мотнул головой отец, накладывая в тарелку курицу с овощами. – Сегодня решили с коллегами разбавить серые будни. Посидели, выпили немного.

– Это они тебе цветы подарили? Женщина или мужчина?

– Кхем... – поперхнулся Пётр Сергеевич. – Дочь, знаешь такую поговорку: Когда я ем, я глух и нем? Она сейчас очень

уместна.

Он всегда называл Сашу словом «дочь», а при хорошем настроении иногда «доча». Когда хотел пошутить, называл «мать».

– Какой тонкий педагогический ход – затыкать сующего нос не в своё дело подростка былинными нравоучениями... – сказала Саша. – Надо будет взять на заметку.

– Ешь свой салат, дочь, – понизил голос отец.

– А как же...

– Я сказал, ешь! – тяжелый кулак ударил по столу, так что приборы громко забряцали о посуду. – И не задавай глупых вопросов.

Стало тихо. Слышно было, как шелестит дождь, да как холодно скребут о тарелки вилки в руках людей. Пётр Сергеевич расправлялся с курицей, вырывая куски мяса и обглаживая кости. Теплый жир стекал по его губам и пальцам. Мать, слившись со скатертью, бесшумно ела борщ.

Саша вяло ковыряла вилкой салат, украдкой глядя на родителей. Интересно, как они, такие разные, познакомились, поженились, воспитали дочь? Медсестра и чиновник.

– Спасибо, всё было очень вкусно! – почти не притронувшись к еде, сказала она через пару минут.

– Стой, ты же не поела! – поднял брови отец, но услышал только слабое «Я не голодна» и стук захлопывающейся двери.

– Не девушка, а птичка!

Саше было не до еды – её ждала Паутина. Нетерпеливо щелкнув выключателем, проделав несколько манипуляций с блоком напряжения (оно в селе временами скакало, напроць вырубая свет в домах), Саша уставилась в монитор – окно в измерение более совершенное, нежели то, в котором ей не посчастливилось жить. Секунду спустя девушка увидела свирепое обезображенное лицо – обои своего рабочего стола. На фоне горы окровавленных тел стояла маленькая девочка в грязном белом платице. Мокрые чёрные волосы почти скрывали лицо, видно было лишь безобразную улыбку гнилых жёлтых зубов и абсолютно чёрные глаза без зрачков, радужки, белка и даже бликов. В когтистой лапе девочка сжимала мясницкий тесак, с которого ржавой струйкой стекала кровь.

– Привет, Лялька! – поздоровалась Саша и опутала себя невидимой сетью. Отбросив назойливые предложения купить новые чудо-таблетки для похудения, девушка вышла в соцсеть. Сердце радостно сжалось: *он* был здесь! Её Принц. Они не виделись уже несколько дней – с тех пор, как он внезапно пропал, не оставив ни строчки. Сейчас над ником возлюбленного прекрасное, как нимб апостола Петра, висело пылкое «онлайн».

Speranza (17:21): «здравствуй, радость моя! я так соскучилась! куда же ты пропал?»

Собеседник долго молчал, потом написал:

Prinz (17:25): «привет»

Prinz (17:25): «были дела»

Speranza (17:26): «совсем забыл про меня, да?»

Снова молчание длиною в вечность.

Prinz (17:28): «не забыл».

Speranza (17:28): «ну как это не забыл? четвертый день тебя нет и нет! совсем не думаешь обо мне»

На этот раз молчание было особенно долгим, как будто собеседник мучительно обдумывал каждое слово. Не в силах больше терпеть, Саша набрала:

Speranza (17:36): «почему молчишь? не хочешь разговаривать со мной – так и скажи»

Но Принц, наконец, ответил.

Prinz (17:37): «Саша»

Prinz (17:37): «ты не представляешь»

Prinz (17:38): «как мне трудно это говорить».

Prinz (17:38): «мы больше не сможем с тобой общаться, как раньше»

Prinz (17:40): «у меня появилась девушка, и, похоже, я её люблю»

Тонкая, но очень важная ниточка разорвалась в груди девушки, ухнуло в бездну сжавшееся сердце. Это конец всего. Это её конец.

Online

Она навсегда запомнила чудесный день, когда встретила *его*. Недели не прошло, как Снежиным провели интернет, а Саша уже чувствовала себя здесь, как дома. Совершенно другой мир, где свои законы, где никто никому ничего не должен, покорила девушку. Свобода, настоящая свобода – то, за что она отдала бы самое дорогое.

Больше всего ей нравилось флиртовать. Флирт возбуждал, щекотал нервы и при этом был только весёлой, ни к чему не обязывающей игрой. Жизнь так скучна, в ней всегда нужно помнить о последствиях. Если какой-то мальчик приглашает в кафе угостить мороженым или прокатиться на его новой машине, почти наверняка он потребует что-то взамен – сначала ненавязчиво, а потом прилипнет так, что отвязаться будет проблематично. В сети всё проще: что-то не устраивает – дверь открыта!

«Привет! Как дела?» – писал ей какой-нибудь **Sriker_X1000**. Скучно, банально, не интересно. *«Игнорировать»*.

«Привет, красавица! Как жизнь?» – тут же занимал его место **SuPeRMaN_89**. И он тоже оставался не у дел. Третий, в лучшем случае, присылал какую-нибудь картинку или песенку, но уже после первых фраз Саша понимала, что ей с этим человеком говорить не о чем.

Не люди – шаблоны, – думала Снежина. – Может, и нет никаких людей?

«Привет. Ты меня знаешь?» – вдруг написал ей некто **Prinz**. Мельком взглянув на аватарку, Саша увидела высокого подтянутого юношу лет двадцати в кожаной куртке-косухе на мотоцикле, слегка небритого и с коротким хвостом чёрных курчавых волос. Первым позывом девушки было написать: «Нет, впервые вижу», но вдруг что-то знакомое мелькнуло в лице парня, и Саша ещё несколько минут напряжённо вглядывалась в его фото, силясь вспомнить, где она могла его видеть. Спустя несколько минут размышлений, девушка уже не была так уверена, пересекались ли они с ним или нет.

Speranza (19:10): «хоть убей, не вспомню, где я могла тебя видеть. а ты меня знаешь?»

Prinz (19:11): «нет)»

Speranza (19:11):»?»

Prinz (19:12): «разве двум людям обязательно встречаться, чтобы общаться и получать от этого удовольствие?)»

Ох ты, какие мы самоуверенные! – подумала Саша и уже хотела было отправить незнакомца в «игнор», но что-то остановило её в последний момент. В конце концов, чем она рискует?

Speranza (19:14): «может, ты и прав... даже не представляешь, как я устала от всех этих толп поклонников, которые мне пишут каждый день, предлагая встретиться, сходить куда-то, покататься...»

Она сейчас откровенно блефовала, ей писало максимум три-четыре человека в неделю, но собеседнику не обязательно-

но об этом знать.

Prinz (19:15): «о, можешь не переживать, я не из таких проходимцев) никуда тебя не позову, пока ты сама об этом не попросишь»

Speranza (19:15): «странный ты. и что, даже не скажешь мне, какая я красивая и сногсшибательная?»

Prinz (19:16): «ишь, чего захотела) скажу, когда удостоверюсь. может, ты страшная, как атомная война, а все эти клёвые фотки с потрясной девочкой содраны с какого-нибудь модного сайта»

Speranza (19:17): «ахаха, по-любому, так и было!»

Сашу начало это забавлять. Ей всё-таки сделали комплимент, хотя и завуалированный.

Speranza (19:18): «я Саша. а ты?»

Prinz (19:19): «а я Принц»

Speranza (19:19): «что, прям так и звать?»

Prinz (19:20): «так и зови»

Ещё минут десять потребовалось девушке, чтобы понять, что этот человек «её». Они были схожи практически во всех вопросах, которые доводилось затронуть, а если и расходились, то тут же вспыхивал увлекательнейший спор, заставлявший Сашу забыть о времени. Она и сама не заметила, как часовая стрелка завертелась в пять раз быстрее.

Prinz (23:32): «ты слышала об андрогидах, двуполых людях? Платон в своих диалогах упоминает о них. когда-то давно люди на земле имели два лица, четыре руки и четыре но-

ги»

Speranza (23:33): «может быть, слышала... кажется, у да Винчи был рисунок одного из них»

Prinz (23:34): «не совсем уверен, что это одно и то же, да это и не важно. в общем, эти андрогины являли собой совершенное человеческое существо. в них не было ненависти, алчности, злобы и зависти. ещё они никогда не болели и не воевали между собой. так как для размножения им не требовалась пара, эти существа никогда не изменяли, четыре руки позволяли им долго работать без усталости, четыре ноги – проходить огромные расстояния. каждый такой человек носил в себе очень сильное чувство, которое называлось Настоящей любовью. Оно придавало ему сил и оберегало от несчастий»

Speranza (23:35): «да, а потом боги Олимпа испугались и решили ослабить их. Зевс ударом молнии разделил людей на две половины, так что у каждого стало по две руки и ноги...» – быстро набрала Саша, которая тем временем успела прочитать про андрогинов половину статьи в Википедии. Ей не хотелось выглядеть неосведомлённой.

Prinz (23:37): «о, да ты быстро читаешь!;) в общем, так появились несовершенные мужчины и женщины – до этого момента человек был двуполым, и достоинства обеих половин взаимоисключали недостатки. с тех пор люди бродят по свету и ищут свою вторую половинку, желая воссоединиться и вновь обрести Настоящую любовь, что поможет им

победить злобу и алчность в душе и достичь совершенства»

Speranza (23:39): «красивая байка, только я в неё не верю. на моей памяти ещё ни разу такого не было, чтобы любовь между мужчиной и женщиной приводила их к совершенству и помогала победить злобу. злобы-то как раз от любви становится больше и больше»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.